

ТАТЬЯНА
ГАРМАШ-
РОФФЕ

ИСКУССТВО

ДЕТЕКТИВА

ЗАВЕЩАНИЕ С ТОГО СВЕТА

Татьяна Владимировна Гармаш-Роффе

Завещание с того света

Серия «Частный детектив Алексей Кисанов», книга 24

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18007552

*Гармаш-Роффе, Татьяна Владимировна. Завещание с того света :
роман: Издательство «Э»; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-87663-1*

Аннотация

Академик Донников, создатель «Заповедника Здоровья», где лечатся звезды и политики, погиб в автокатастрофе, оставив дочь Машу сиротой. А спустя месяц голубь приносит к их часовне странное письмо. В нем говорится, что смерть академика не несчастный случай, а убийство и Маша должна найти надежного человека для проведения секретного расследования.

Маша обращается к сыщику Алексею Кисанову. Он в мистику не верит, считая «голубиное письмо» жестоким розыгрышем, но все же берется за дело из сочувствия к девушке. Ему помогает ассистент Игорь, у которого Маша вызывает больше чем простое сочувствие... Беседа с близкими академика неожиданно приподнимает завесу над неприглядными тайнами «Заповедника». Похоже, Донников стал жертвой интриг своих

высокопоставленных пациентов... Расследование принимает опасный оборот: теперь кто-то покушается на жизнь Маши. Кто? Кому нужна смерть академика и его дочери?!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	36
Глава 3	72
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Татьяна Гармаш-Роффе

Завещание с того света

© Гармаш-Роффе Т. В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Хрустальный кораблик и Ёжкина поляна

– Ма-аша-а!

Ненавижу ее голос, ненавижу.

– Маша, я тебя зову, ты глухая?!

Она орет с первого этажа и почему-то уверена, что я обязана ее слышать на втором. Хотя придется ответить, не то она припрется в мою комнату.

– Слышу.

– Ты не сказала мне о своих планах на сегодня!

– Я не обязана перед тобой отчитываться.

– Обязана! Теперь, когда не стало твоего папы, в доме главная я! Ты еще ребенок, я за тебя отвечаю!

– С какой это стати?

– Я твоя мачеха!

– Да иди ты... – пробормотала я себе под нос.

Хочется послать ее подальше и погромче, но я не могу себе этого позволить. На грубость Леночка разразится слезами, а потом примется усиленно доказывать, что она хорошая и главная, а я плохая и у нее в подчинении. Жизнь моя усложнится, а она у меня и без Леночкиных истерик не сахар.

Есть у меня подружка Светка, так у нее что на уме, то и на языке. Я ей завидую: ведь Светка может позволить себе роскошь не думать о потаенных мыслях окружающих людей, об их интересах, которые в любую минуту способны обернуться против интересов твоих или твоей семьи. Светке не нужно угадывать подводные течения, взвешивать свои слова и их последствия – она живет свободно и говорит, как дышит, не задумываясь. Оно понятно, ведь у Светки врагов нет. Из всех возможных достоинств у нее имеется только хороший характер. Но этому почему-то никто не завидует. Завидуют богатству, положению, красоте. Как раз всему тому, что есть у моего папы.

То есть было.

Папа и научил меня с детства взвешивать свои слова. Поэтому хоть я Лене и дерзила (с удовольствием, признаю), но до открытой грубости не доходила.

– Лена, мне через два месяца будет восемнадцать, – потрудились я прокричать сверху. – Оставь меня в покое, ладно?

– Я поклялась твоему отцу! Что буду опекать тебя!

– Это в какой момент ты поклялась? *На его смертном одре?*

В моем вопросе имелся ядовитый подвох: «смертного одра» судьба нам не подарила. Папа погиб в автокатастрофе, никто при ней не присутствовал, и даже гроб нам выдали закрытый: машина, упав с обрыва, загорелась, а папа... В об-

щем, там остались только угли.

Сарказм я позволила себе, будучи полностью уверенной: Леночку мои слова не ранят и рыданиями она не разразится. Мера ее скорби пропорциональна мере ее любви к папе – и то и другое не глубже его могильной ямы.

– Ма-а-а-ша-а-а-а!

О, этот голос. Беспомощный и истеричный. Папу она подкупила именно своей беспомощностью, а истеричность в пору их женихания не была заметна – она проявилась лишь тогда, когда Лена пустила корни в нашем доме.

А ведь я папу предупреждала. В принципе, мне всегда импонировала его склонность к благотворительности: когда у тебя очень много всего, надо делиться с ближним, у которого вообще ничего. Так и наш батюшка... – ну, не папа, конечно, а священник – говорит. Грешно делать унитаз из золота, в то время как людям рядом с тобой не на что жратву купить. Тем более что от этого ни твои какашки, ни ты сам золотцем не станете. Поэтому за помощь Леночке, моей бедной тете-х-репетиторше по английскому, я папу не осуждала. А вот за желание жениться на ней – очень даже!

Папа, конечно, меня не послушал. Женился. Она, видать, была уже беременна от него, поскольку родила мальчика через шесть месяцев после свадьбы. А еще через полтора года – девочку. Двоих детишек папуле заделала. (А мне, соответственно, единокровных братика и сестричку.) Только еще через полгода папа совсем перестал интересоваться Леной.

И детками, к слову, тоже. А я предупреждала, ну предупреждала же! Говорила я, мудрая: пап, помогай ей, раз тебе хочется, но жениться-то зачем? Жалость – не любовь, на ней отношений не построишь, пап, взаимности не будет, понимаешь? Ты ей – да. Но она тебе – что? Спасибо-спасибо-ки? А тебе это надо? Пап, после смерти мамы ты будто все ищешь женщину, которая смогла бы стать тебе настоящей подругой, я понимаю, пап, я не ревную, я хочу, чтобы ты был счастлив. Но это не Леночка, неужели ты не видишь?! Она только и может, что кланяться и «спасибкать»!

А папа что-то мычал нечленораздельное в ответ. И готовил свадьбу. Конечно, мне еще пятнадцати в то время не было – кто же послушает малолетку...

– Лен, не беспокойся. У меня сегодня курсы вождения. В Москве, – произнесла я миролюбиво, спускаясь по лестнице.

До сдачи экзаменов оставалось всего четыре занятия с преподавом. На машине автошколы, конечно. А в нашем летнем гараже (то есть во дворе под навесом – зимний гараж был под домом) меня уже ждал премиленький «Мини-Купер», моя шоколадка, гнедая лошадка, папин подарок.

– Почему в Москве?! Ты ведь здесь водишь!!!

– Лен, не кричи, я уже стою рядом.

– Я не кричу!

– Ага, только у меня сейчас барабанные перепонки вылетят из ушей, как стекла из окон.

– Ответь на мой вопрос! Зачем тебе в Москву, ты ведь тут

занимаешься вождением? – Леночка все-таки сбавила обороты.

– Занималась. Но здесь деревня. Мне надо в городе осваиваться.

– Ты водила в районном центре! Чем тебе не город!

– Лена... – У меня даже голос сел от безнадежности этого разговора. – Я не спрашиваю у тебя разрешения. Я не спорю с тобой. Я тебя ин-фор-ми-ру-ю. То есть довожу до твоего сведения мое решение ехать сегодня в Москву.

Лена довольно долго переваривала мою фразу. Потом лицо ее слегка прояснилось: дошло. И тут же новая туча надвинулась на ее чистый лобик.

– Но погоди, мне сегодня Сережа понадобится!

Сережа – наш шофер. Для нужд женщин, населяющих этот громадный дом. У папы был другой, личный, по имени Борис, хотя папа обожал водить машину сам. Шофера же брал на деловые встречи «для понтов», как он говорил не без иронии.

Боря уволился сразу после смерти моего отца и отправился искать работу в других богатых домах.

– Да на здоровье, мне Сережа не нужен. Я доеду на своей машине до станции, а там сяду на электричку.

– Маша, ты не можешь ездить на электричке!

– Это почему еще?

– Там... Ты знаешь, что там? Ты когда-нибудь ездила?!

– А ты, Лен, ездила?

– Еще как! Поэтому и говорю!

– Так ты вроде жива осталась. Если только я не с привидением разговариваю.

– Не груби мне!!!

– Да бог с тобой, *Леночка*... – Я знаю, мачеху бесит, когда я называю ее уменьшительным именем, как папа. Я же в ее глазах маленькая, ребенок. Не имею права. Обязана уважать.

Да только у меня ни одной причины уважать ее нет.

– Не волнуйся, к вечеру я буду дома. Доступна круглосуточно на мобильном. Чао!

И я направилась к двери.

– Но ты не должна ехать на своей машине до станции! – прокричала мачеха мне в спину. – У тебя ведь еще прав нет! – Запоздалое озарение.

Я почти уверена, Лена отправит кого-нибудь за мной следить. И вовсе не потому, что волнуется. Леночка меня не любит и ничуть обо мне не беспокоится. Беспокоится она о другом: о завещании. Вернее, об отсутствии оно. Прошел почти месяц с того жуткого дня, когда папа покинул нас, но завещание так и не всплыло. Ни в папином кабинете не нашлось (а Леночка, естественно, все ящики там перевернула), ни у парочки нотариусов, с которыми папа по разным причинам имел когда-то дела. И Лена едва ли не каждый день причитает, что она, мать двоих детей, не может жить в неизвестности!

Эту фразу она никогда не развивает до полной ясности, но я знаю, какого рода неизвестность столь сильно ее тревожит: если вдруг завещание обнаружится, то там может оказаться обозначен один-единственный наследник. И с большой вероятностью им окажусь я. Папина любимица.

Мне ее истерики порядком надоели, и я села за чтение законов. После чего утешила мачеху: что бы ни написал папа в завещании (если оно есть), Лена в любом случае унаследует какую-то часть. Закон охраняет права иждивенцев и нетрудоспособных родственников, а их у папы как раз пруд пруди. Одних детей шесть штук: у Леночки двое, плюс я, а еще мои единокровные старшие брат и сестра, они сейчас в Лондоне, учатся там. Кроме того, у нас есть еще одна единокровная сестра Юля, самая старшая, от какой-то женщины, о которой нам ничего не известно, кроме того, что она новорожденного ребенка принесла и оставила папе под дверью в далекие его аспирантские годы. У нашего красавца-папули была бурная молодость, студентки и медсестрички на него вешались – вот и нагулял с какой-то из них девочку. Папа вернул ребеночка матери, уговорился об алиментах, и жизнь потекла дальше.

Девочке той, Юле, теперь под сорок, живет она отдельно от всех нас со своей семьей, и отношения с нами не то чтоб совсем не поддерживает, но редко и весьма официально. Кажется, она не может простить папе, что он не женился на ее матери... Впрочем, не знаю.

К детям следует прибавить и взрослых иждивенцев: ба-

бушку, тетю и саму Лену. А вот Юля, к слову, в когорту папиных нахлебников не входит – она работает в финансовых сферах и, кажется, неплохо зарабатывает. Так что волноваться никому не стоит, денег на всех хватит, объяснила я мачехе. Правда, если завещание существует и наследником указан кто-то один... В этом случае доля Леночки порядком уменьшится – насколько я поняла из бегло прочитанного в Интернете. И мачеха этого боится. Поэтому она непременно пошлет кого-нибудь за мной следить: она почему-то убеждена, что я ищу по нотариальным конторам завещание. И найду его. И тогда...

Собственно, о чем это я? Леночка плохого мне не сделает, – хоть она и истеричка, но не дрянь. Просто будет рыдать день и ночь напролет и подлизываться ко мне, чтобы я ей...

Но нет, нет! Папа если и оставил завещание, то наверняка оговорил в нем хороший пансион для нее и детей! Да и для всех остальных. Иначе быть не может. Мой папа щедр и справедлив.

С другой стороны, я завещание вовсе не ищу. Во-первых, я не хочу сейчас думать о наследстве – у меня такое чувство, будто оно окончательно похоронит папу. Последний ком земли на его гроб бросит... Заняться всем этим однажды придется, конечно, но чем позже, тем лучше. Во-вторых, я думаю, что завещания не существует. Кто же оставляет свои последние распоряжения так, чтобы наследники ничего о них не знали? Это нонсенс.

В общем, мачеха зря волнуется. Но не подозревает об этом. Как всякая истеричка, она не способна рассуждать здраво – она способна лишь трястись от страха, поскольку ее воображение рисует жуткие картины нищеты, в пучину которой ввергнет ее завещание. Она не понимает, что папино великодушие служит ей гарантом. Я даже сомневаюсь, знает ли она смысл слова «великодушие».

...Однако слежка была бы мне совсем некстати. Кого она пошлет и как от него избавиться? Буду думать по дороге. По мере наблюдения за наблюдателем.

Едва я достигла входной двери – а дверь у нас о-го-го: массивная-дубовая-двустворчатая, просто так не распахнешь, только после плотного завтрака! – как сверху раздался хрипловатый голос:

– Маш, ты в Москву? Подожди, мне тоже надо!

Наташа, тетя моя. Папина старшая сестра. Интеллигентка и приживалка. Она пишет статьи о литературе в частности и о культуре в целом – печатается редко, зарабатывает мало, последние пятнадцать лет живет на папином содержании, но гордится собой так, что наши три этажа маловаты для ее завышенной самооценки. В общем-то, она нормальная тетка, если бы не этот гонор. Она считает, что у нее миссия – то ли исправлять нравы, то ли возродить культуру, то ли... Она и сама не знает, мне кажется. Потому что все ее идеи либо надуманны, либо самоочевидны даже для такого недоросля,

как я.

– Наташа (я не зову ее «тетей», ей это не нравится), я то-роплюсь на курсы вождения. К тому же добираюсь своим хо-дом до станции, а там электричкой.

– А что, Сережа отвезти нас не сможет?

– Вопрос к Лене.

– К Лене? Разве шофер не наш общий?

Люблю я русскую интеллигенцию. Сплошной восторг и возвышенность чувств. Шофер у нас никак не общий – это человек, которому платят деньги и который выполняет то, что ему прикажут. Папа держал его для нужд домашних – то есть для нужд всех обитателей, включая Наташу, – за это и платил. Теперь ему платит Лена (папа изначально обеспечил ей «семейный» счет в банке, и вряд ли он близок к истоще-нию), и не факт, что Наташины нужды входят в цену. Но ин-теллигенция таких земных материй не понимает – она рас-суждает «по справедливости». А по справедливости это вот так: раз Наташе нужен шофер, то она должна его получить. За чей счет, ее не волнует. По крайней мере, до тех пор, пока счет не ее.

Я вообще-то тетку люблю. Но временами ее социалисти-чески-барские замашки раздражают.

– Наташ, папы нет.

– Я знаю! – обиделась моя тетя. – При чем тут?..

– Это он выдавал зарплату Сереже. Теперь ему платит Ле-на, у нее и спрашивай. Или заплати шоферу сама.

– Шутишь?! Он ведь не такси!

– Он работник. За деньги.

– Но у меня нет средств, чтобы платить за доставку на станцию!

– Тогда поезжай на автобусе.

– Маш, у тебя с головой как вообще? – Тетка смотрит на меня с верхней ступеньки, и даже на таком расстоянии видно, как пылает ее взгляд праведным гневом: ей предложили проехаться на автобусе!

– Ну ладно, тогда попроси Леночку, чтобы она включила твой извоз в Сережины обязанности. Хотя, возможно, ей придется в этом случае повысить оклад шофера... Будет справедливо, если ты тоже вложишься.

Наташа вылупилась на меня так, будто я заговорила с ней на марсианском языке. Признаю: я издевалась над своей тетей. Не со зла, я просто хотела научить ее смотреть на вещи реально. Ну, не научить – это безнадежно, – а, пожалуй, проучить. Пора бы ей вспомнить, что булки не на деревьях растут.

– А ты на чем до станции будешь добираться? – Тетка все пыталась найти наиболее экономное для себя решение.

– На своей машине.

– Когда едешь?

– Прямо сейчас.

– Подожди меня!

Тетка у меня богемная, она любит писать статьи по ночам.

Встает она, соответственно, поздно и сейчас еще в халате. А я просыпаюсь в шесть – меня к десяти вечера просто задувает в кровать – и мой день давно начался.

– И сколько тебя ждать?

– За часик управлюсь, – заявила она и тут же спохватилась, увидев выражение моего лица. – Ну, не знаю, дай мне хотя бы полчаса... – В ее интонации зазвучали просительные нотки.

Наташа, хитрая лиса, адепт социального равенства и свального бескорыстия, почуяла, что получит отпор, поскольку ждать мне ее отнюдь не улыбалось, и начала заискивать.

– Извини, Наташ. Я тороплюсь. В следующий раз предупреди меня заранее, ладно? Тогда я смогу составить свое расписание с учетом твоих интересов, – произнесла я сухо-вато и выбежала из дома. С огромным облегчением, надо признать.

На самом деле у меня была совсем другая причина, чтобы избавиться от Наташи: у меня имелись планы, о которых ей, как и другим, знать не следовало. Во-первых, я намеревалась ехать в Москву на своей машине, а вовсе не на электричке. А во-вторых, мне нужно было до отъезда заглянуть кое-куда.

Это «кое-куда» находилось совсем недалеко, на нашей же необъятной территории. Папа купил когда-то огромный участок на Истре, на нем можно было бы, пожалуй, небольшую

деревеньку разместить. Я уверена, что никто из обитателей дома, кроме меня, толком не знал, что находится в наших угодьях. Населявшие дом женщины не имели пристрастия к пешим прогулкам; если они и страдали любопытством, то ограничивалось оно делами ближнего, а вовсе не исследованием белых пятен на карте нашего участка. Я же облазила его еще в раннем детстве, и каждый закоулок мне отлично знаком.

Я быстро вывела своего гнедого «Купера» из-под навеса и покинула двор. Лена хоть и не шибко умна, но и не полная дура – она не пошлет Сережу за мной хвостом, ведь я его сразу вычислю. Скорее всего, она, поверив моему вранью, отправит с ним кого-нибудь (у нас еще няня, домработница, повариха, прачка, бабушкина сиделка – так что выбор имеется) на станцию окольными путями поджидать меня, а там сесть в электричку и следовать за мной дальше по Москве, чтобы понять, чем я там занимаюсь. Но человеку, кем бы он ни был, придется долго-долго ждать меня на станции. И уйти оттуда несолоно хлебавши. Поскольку мы с «Купером» обойдемся без всякой электрички.

Пока же я, убедившись в том, что ворота за мной плотно закрылись и никто меня со двора не видит – ворота у нас цельнометаллические, глухие, – обогнула наш длиннющий забор и поставила машину с обратной стороны участка, там, где начинается густой лес. Давным-давно, лет в восемь, я проделала в ограде лаз – точнее, это мои друзья-мальчишки

из ближней деревни раздвинули прутья ломиком: я обещала им устроить экскурсию по нашей территории, когда папа уедет (вряд ли б он согласился пустить такую босую ораву в свои владения). Горящие от нетерпения пацаны совместными усилиями проделали «черный ход» в заповедник. За прошедшие десять лет эту дыру никто из взрослых так и не нашел, к тому же кусты вдоль ограды буйно разрослись, скрыв за собой погнутые прутья.

...Помню, как папа эти кусты сажал. Вернее, не он, а четверо мужчин, прибывших вместе с саженцами на четырех грузовиках. Каждому причиталось посадить живую изгородь по одной стороне участка, и четыре человека копошились с четырех сторон от дома в течение нескольких дней. Все это время моросил дождь, земля была тяжелой и скользкой, а мужчины – перепачканными. Глядя на них в окошко своей комнаты, я весело повторяла скороговорку: «Четыре черненьких чумазеньких чертенка»...

Мама тогда была жива. Она смеялась, когда я, шепелявя и картавя (отчего и работал со мной логопед, уча проносить скороговорки), показывала ручонкой на садовников и лепетала: «Щетыле щельниньки шумазеньки щельтенка...» Когда с посадками было покончено и тоненькие прутьики ошетинились вдоль ограды, будто кошачьи усы, «чертенки» уехали, зато приехали другие, пока еще чистенькие, и перекопали весь двор. Они строили домики для тех, кто

будет заниматься цветами и садом, оранжерею, сарай, еще какие-то подсобные помещения – и, как ни странно, их тоже было четверо. Дожди кончились, и я бегала во двор смотреть, как подрастает изо дня в день кирпичная кладка...

Я закрыла машину и стала искать лаз. Давно я им не пользовалась, не сразу и вспомнила, в каком именно месте он находится, тем более что зелень плотно облепила забор. Но для меня было принципиально важно, чтобы никто из домашних не увидел, как я шастаю по нашей территории, и не стал проявлять любопытство, – а для этого следовало воспользоваться лазом, иначе меня могли заметить из окон дома. Так что пришлось мне набраться терпения.

Наконец я обнаружила искривленные прутья, протиснулась. За прошедшие годы конфигурация моего тела несколько изменилась, но лаз оказался достаточно широким... Ну да, тот мальчишка, который орудовал ломиком, был рослым и плотным – под себя дыру и проделывал.

Я немножко посидела в кустах, осмотрелась: все тихо, как обычно. Потом ползком – вверх ветки сплелись, через них теперь не продрасться – выбралась на наш участок.

Первым делом я двинулась к «Хрустальному кораблику» – так я с детства называла оранжерею. Ее высокая стеклянная крыша, состоящая из множества граней, сверкала на солнце хрусталем, а когда эти грани открывали (в хорошую погоду), то казалось, что ветер надувает паруса и сейчас ко-

раблик тронется и заскользит по зеленой глади.

На этом кораблике несет бессменную вахту супружеская пара, Инга и Леонид, им немного за сорок. Я с ними давно дружу, с тех пор как папа их нанял. Детей у них по каким-то причинам нет, зато они обожают цветы и посвящают себя этой страсти целиком. Ну, и еще они обожают меня. Я им что-то вроде «двоюродной» дочки.

В нашей оранжерее они выращивают цветы для дома (хотя я уверена, что ни Леночка, ни тетя Наташа не представляют, откуда у нас в доме берутся свежие букеты в вазах, обновляемые каждые три дня) и еще на продажу, для себя. Кроме того, в теплое время года они занимаются всеми клумбами вокруг дома.

У папы с ними своеобразный договор. Он им за садоводство-цветоводство не платит – зато они живут в домике на нашем участке бесплатно, и оранжерея им отдана практически в безраздельное пользование со всем ее оборудованием, с автоматическим поливом и подсветкой, с обогревом и подкормкой. Так что они имеют бизнес, фактически оплаченный папой. Причем на участке работа сезонная и не каждый день – а в оранжерее они выращивают свой живой товар круглый год, поставляя цветы в магазины Москвы. Короче, это взаимовыгодный альянс. А мне так и вовсе с ними повезло: именно в оранжерее, во влажной, паркой атмосфере тропиков, в ярких красках и сумасшедших запахах, я пряталась от папы, когда на него обижалась или когда не хотела

делать уроки. Инга с Леонидом меня никогда не выдавали.

Я подбежала к ним и чмокнула по очереди в щеки:

– Доброе утро!

– Машечка, радость наша! – загудел Леонид. – Доброе утро! Каким ветром тебя к нам занесло?

Ну да, с тех пор как я окончила школу, я почти не заглядываю к ним...

– Цветов тебе собрать? – с готовностью предложила Инга, стягивая длинные резиновые перчатки зеленого цвета.

– Нет, спасибо. Я просто зашла вас проведать... Ну и еще спросить хочу: не знаете, тут в округе есть голубятня?

– Голубятня? Хм. – Леонид задумался. – Не знаю. Не видел.

Инга отрицательно покачала кудрявой головой, украшенной веселыми рожками, – она завязывала косынку на манер пятидесятых, концами кверху, и они торчали над ее каштановыми волосами то ли как рожки, то ли как ушки. Очень мило.

Жаль, что не видели. Надеюсь, это правда. Во всяком случае, выглядели они искренними. Вряд ли *послание* – это их рук дело...

Я почему-то надеялась на их подсказку. Теперь придется самой объезжать окрестности. А не хотелось бы: в ближней деревне меня узнают наверняка, хотя я лет с десяти туда не навевывалась. Я выросла, деревенское «босоное детство»

меня больше не увлекало, а мои исследовательские наклонности перешли в другую плоскость. Или, правильнее сказать, в другие плоскости.

Мои бывшие друзья тоже выросли, но узнать меня им не составит труда: я мало изменилась. И начнутся расспросы, как живешь, да чем занимаешься, да как это твой папа разбился, пьяный был небось...

– А зачем тебе? – поинтересовалась Инга.

– Да надоело эсэмэски писать, хочу на голубиную почту перейти! – засмеялась я. – Ладно, все, я побежала. Я вас люблю, вы ведь знаете, да?

И я направилась в ту часть, которую папа именовал «парком». Поместье наше делилось на три смысловые части: слева, если смотреть от дома, цветники, епархия Инги с Леонидом (включая оранжерею и их домик); справа от них располагались сад и огород, откуда к нам прибывали на стол фрукты-овощи (а также варенья-соленья), – и этим заведовал Василийч, деревенский старожил и отличный садовод. У него тоже был свой домик, но он больше жил в деревне, а к нам приходил в сезон ежедневно. А за цветниками и огородами раскинулся «парк». Здесь росли, в отличие от сада с фруктовыми деревьями, дикие елки и березы – проще говоря, это был кусок первородного леса, прекрасно существовавшего тут до того, как стать нашей собственностью.

Впрочем, он и сейчас прекрасно существует. Белки так же прыгают по деревьям, зайцы так же драпают, заведев чело-

века или лису (иногда к нам и рыжие забредают!). И там, в «парке», находится наша домашняя часовня, куда я и держала путь.

Васильича нигде не было видно, но его б я не стала спрашивать про голубятни. Он наверняка лучше Инги с Леонидом знает, есть ли они тут поблизости, но человек он мало-разговорчивый, отвечает всегда односложно, смотрит исподлобья – так, что сразу пропадает охота с ним общаться. Я его с детства побаиваюсь, если честно, хотя его фруктами-ягодами всегда лакомилась охотно, не говоря уж о вареньях. Както я забралась в малинник, объелась ягод и перепачкала платье – слышала, что мама меня звала, но оторваться от малины не могла. Так Васильич подошел, взял меня под мышки, вытащил из малинника и, не говоря ни слова, отнес домой. Я сама себе казалась куклой, беспомощно повисшей в руках Карабаса-Барабаса... Даже сейчас вспоминать страшно. Хотя теперь я его, конечно, не боюсь. Теперь я понимаю: существуют на свете такие необщительные люди, – это не значит, что они плохие. У них часто бывают золотые руки, а иногда и золотые сердца...

Впрочем, точно я этого не знаю.

Вскоре между деревьями мелькнула деревянная чешуйчатая крыша, как в Кижах, с небольшой чешуйчатой же луковкой на вершине. История появления часовни на нашем участке достойна кисти художника... карикатуриста. Вот как

дело было: Леночка, выйдя за моего папулю, решила, что она отныне и присно попала в касту бомонда. А бомонд ходит в церкви, где усердно просит отпущения грехов. Грехов много – ведь бомондом не становятся от красоты души. Нет, в эту касту попадают благодаря большим деньгам, а большие деньги редко делаются с помощью ума и таланта (мой папа как раз счастливое исключение) – по большей части за ними стоят кровь и обман. Но подонок тоже человек, и ему хочется забыть о том, что он подонок. Естественно, подонки понесли в церкви свои нечистые деньги, получая взамен прощение господне. По крайней мере, так они думают.

Любое массовое явление создает тенденцию, а тенденция – это младшая сестра моды. Тетеньки же на моду страшно падки. И вот они уже толпятся в церкви рядом со своими грешными мужчинами. И вот они уже осуждают тех, кто не ходит. Ныне «без серпа и молота не покажешься в свете». (Это Маяковский издевался – помните, где про «мурло мещанина».) Все приложимо к нашему времени, лишь одежды немного изменились.

Итак, Леночка, выйдя за моего папу, решила, что попала в бомонд, и затребовала еженедельных походов в одну популярную в Москве церковь. Папе, однако, было влом таскаться в Москву каждое воскресенье: он и без того проводил в городе полную рабочую неделю и в выходные желал отдыхать на природе. Мне кажется, он отлично понимал, что Лена просто жаждет «показаться в свете», – но сделал вид,

будто искренне верит в ее религиозность. И решил построить часовню прямо на нашем участке. Мол, дорогая, бог тут будет жить прямо у тебя под бочком, никуда ездить не придется для общения с ним.

Но Леночке, конечно, никакой бог не нужен – ей бомонд... Ну, понятно. А с ним облом вышел. И даже молодой симпатичный священник, которого папуля нанял, Леночку не вдохновил. Я еще тогда папу спросила: ты зачем этого манекенщика сюда привел? Хочешь, чтобы я попадьею стала? А папа мне в ответ: думаю, что твои многочисленные таланты сгодятся на нечто большее, чем стирка рясы, – и щелкнул меня по носу.

А я его в лоб... не щелкнула, разумеется, я его в лоб спросила:

– Тогда зачем ты такого красавчика нанял?

Папа только пожал плечами чуть смущенно и заявил, что не детского ума это дело и для вундеркиндов (это я, понятно) исключений не делается. И тут меня осенило.

– Что, все так запущено? Ты хочешь ее совсем сбагрить? «Ее» – это Лену.

– Откуда такой цинизм, сударыня! – Папа дурашливо воздел руки к небу.

– Знамо, откуда: гены сработали. Ну, и воспитание, само собой, – проговорила я ангельским голосом диккенсовской сиротки. – Меня, сударь, папа воспитывал, а он у меня медик. Людей видит с изнанки, иллюзий не питает... – и я по-

казала ему язык.

– Эх, вот она, дочерняя неблагодарность!

Мы еще потом долго шутили, поддевая друг друга и хохоча. Я обожала такие моменты нашего единения, совместного веселья и взаимопонимания. Конечно, папа циником не был – хотя романтиком его тоже не назовешь. Он просто смотрел на вещи реально. Люди, которые предпочитают смотреть на жизнь сквозь «очки» – любой расцветки, не только розовые, – являлись, с точки зрения моего отца, либо невеждами, либо ханжами. Лишь один вид невежества он считал простительным: наивность. То есть незнание вещей по причине юного возраста. А невежд и ханжей он презирал. Хотя презрения своего никому не показывал: со всеми был любезен и приветлив. Как-то я его спросила: а не получается ли, что ты лицемеришь?

– Смотря из чего исходить. Если считать правильным прямо высказывать людям все, что ты о них думаешь, – то да, я лицемерю. Но я не вижу ни нравственной, ни практической необходимости говорить им правду. Тем более что никто моего мнения о себе не спрашивает. Все эти люди имеют весьма высокую самооценку и всеми силами убеждают себя, что ее заслужили. И с какой, спрашивается, стати мне браться за бесполезный и опасный труд ее опровергать?

Вот такие у нас случались разговоры. Может, поэтому мне частенько кажется, что в моем юном возрасте я слишком много знаю. Иногда это утомительно. Впрочем, часто помо-

гает.

Правильной была моя догадка, нет ли, но Леночка на кра-савчика не запала. Она вообще, мне кажется, асексуальна. Небось симулировала оргазм, пока папу заарканивала, – а на самом деле ей ни папа, ни секс вообще не нужны. У нее лишь от бомонда оргазм случается.

И с тех вот пор стоит на нашем участке часовня, и в нее иногда приходит отец Нил (в миру Олег), никем не востре-бованный красавец. Лена туда заглядывает только по боль-шим православным праздникам, и я не знаю, если честно, что Олег там делает, в часовне, в другие дни.

Но сегодня он был нужен мне.

– Привет, Олег!

– Отец Нил, – привычно поправил меня священник.

– Ты мне не отец, – привычно огрызнулась я. – А Нил – это река в Египте.

У нас с первого дня знакомства такие отношения. Вернее, на самом деле мы относимся друг к другу с симпатией и даже с некоторой долей... Впрочем, я лучше эту «некоторую до-лю» не стану определять. Когда у молодого парня такие по-трясающие карие глаза с длиннющими ресницами, это опас-но. Начнешь вот так, с определений, – а там раз, и уже рясу стираешь.

– У тебя похвальные знания в географии, – добродушно поддел меня он, мягко улыбнувшись, и поскреб свой зарос-

ший подбородок снизу вверх, я точно так своего котика чешу.

– Что, сильно превосходят твои? – съехидничала я.

– К бабушке положено на «вы» обращаться.

– Ничего, обойдешься. Бог терпел и тебе велел.

Я знаю, Олег к моим выходкам относится снисходительно, и потому себе их позволяю. Если бы он обижался, я бы, конечно, не стала, не такая уж я вредная.

– И да вознаградит он меня за мою стойкость! – развел руки в стороны священник, усмехаясь.

– Аминь, – отозвалась я. – Слушай, Олег, а сегодня... Сегодня ничего?

– Ты имеешь в виду...

– Ну да, *послание*! – нетерпеливо перебила я.

– Нет. Почему ты думаешь, что должно быть еще одно?

– Не думаю. Просто спросила.

– Мне кажется, в первом письме твой отец все ясно сформулировал. Вряд ли он захочет что-то к этому добавить. К тому же писать с того света нелегко. Господь ему помог, без сомнения.

Теперь отец Нил был серьезен. Я тоже.

– Тебе удалось найти кого-нибудь?

– Держи, – он протянул мне листок, вырванный из блокнота, – здесь и адрес, и телефон, и даже «мыло». Как мне сказали, он лучший в своем деле.

– А кто он такой?

- Частный детектив. Раньше на Петровке работал опером.
- Как ты его нашел?
- У хороших друзей спросил.
- О письме никому не рассказывал?
- Разумеется. Как договорились.
- Ладно. Я пойду.
- погоди... Поставь свечку, Маша, за отца.

Немного поколебавшись, я проследовала за Олегом к миниатюрному иконостасу – часовенка-то была крошечной, метров двадцать квадратных, не больше, думаю. Справа от иконостаса горели свечи.

- Кто их зажигает? – поинтересовалась я.
- Иногда домашние заходят, и цветоводы наши, и Василийч. Случается, Сережа заглядывает.
- Ишь ты...
- Я тоже ставлю каждый день. И молюсь за твоего папу.
- Олег... А вдруг он все-таки жив, а?
- Душа его, вне всякого сомнения, жива.
- Я в другом смысле. В прямом.
- В этом твоя беда, Маша. Ты все думаешь, что душа исчезает вместе с телом... Но душа твоего отца рядом с тобой, поверь мне.
- Может, и рядом, но души письма не пишут!
- Так ведь папа тебе в письме объяснил...
- Ладно, я помню, – проговорила я, ставя свечку в гнездо и точку в бесплодном разговоре. – Пока, Олег, я пошла. Дела

ждут.

– Постой.

– Чего тебе?

– Перекрещу тебя, дуреху...

– Я умная.

– Конечно. Умная дуреха. Иди, и да хранит тебя Господь...

Олег осенил меня крестом, а потом поцеловал в лоб. Ну прям точно *батюшка*...

Обратно к лазу я решила пройти парком, позади «Хрустального кораблика» и владений Васильича, дабы избежать новых встреч и вопросов. Я брела вдоль задней части ограды, задумавшись, и не заметила, как вышла на «Ёжкину поляну». Когда-то, еще малявкой, я впервые в жизни увидела тут семейство ежей: двух больших, взрослых, и четыре колючих шарика ежат. Они потешно хрюкали и копошились в зарослях травы. Я стремглав бросилась в дом и притащила на поляну папу, чтобы он сфотографировал их... Снимки я храню до сих пор – снимки на глянцевой бумаге, отпечатанные с фотопленки по технологии прошлого века... Папа тогда же обнаружил на полянке грибы, огромные яркие подосиновики – это были первые собранные мною грибы! Я задыхалась от восторга. Мы отнесли их на кухню, нашей поварихе Любе, и на ужин ели чудесные, душистые ломти подосиновиков, громадные, как стейки, с жареной картошкой...

Потом я часто туда навевывалась, на поляну, и в грибной сезон всегда, из года в год, находила там подосиновики. А иногда мы с папой сбегали ото всех и устраивали там пикник. Расстеленное старое одеяло, походная сумка-холодильник, где вареные яйца, колбаска, помидорчики, соль – и термос с горячим сладким чаем... Нет таких слов, чтобы передать, как я любила наши с папой пикники на Ёжкиной поляне. Как любила наше с ним на двоих уединение, разговоры о главном...

Но сейчас поляна застала меня врасплох. Нежданные слезы вскипели на моих глазах. «Папа, – пробормотала я, – папа, папочка...»

Хватаясь за ствол большой раздвоенной березы, моей любимицы, я опустилась на землю. Горе нахлынуло так внезапно и так сильно, что ноги больше не держали меня. Как же так, папа, ведь ты обещал никогда не покидать меня, ни при каких обстоятельствах! Всегда быть рядом! Охранять, помогать, беседовать со мной, папа!

...Тогда он произнес это так горячо, так убежденно, что я мгновенно поверила: даже в самом плохом случае – то есть в случае смерти – папа будет со мною рядом.

Этот разговор произошел незадолго до автокатастрофы, меньше чем за месяц, – будто он предчувствовал свою гибель... Не помню, как зашла речь, – кажется, я упомянула маму, а там слово за слово... Папа в загробную жизнь не верил, он был убежденным атеистом. Но у него имелась ка-

кая-то своя теория. Он ее не рассказывал – он просто тогда сказал, что всякая мистика есть следствие невежества человечества, пока еще не способного полностью научно объяснить мир. Но если мы не можем установить факты – это не значит, что их нет!

– Так душа после смерти существует? – спросила я в лоб. – Я что-то не пойму твои объяснения...

– Я же сказал, Машутка: человечество пока не располагает знаниями и не может объяснить целый ряд явлений.

– Вроде привидений? Так их существование не доказано. Может, это просто вранье и подделки.

– Может, – задумчиво откликнулся папа. – А знаешь, Бальзак считал, что у человека существует несколько невидимых оболочек помимо одной видимой.

– Думаешь, он прав?

– Думаю, что в этой идее что-то есть... Смотри: если у тебя есть зеркало, то есть и твое отражение. А если зеркала нет – где твое отражение?

– Не знаю, – пожала я плечами, – его нет.

– Или ты его просто не видишь? Потому что зеркало – это лишь *инструмент*, дающий тебе возможность увидеть себя. Но если такого инструмента не нашлось под рукой, это не значит, что и отражения нет.

– *Отражение*... как сказать... Это что-то вроде реакции на тебя?

– Да, – кивнул папа. – И если у тебя нет зеркала, из это-

го вовсе не следует, что на тебя больше никто не реагирует. В конце концов, никто не в состоянии видеть себя сам. Не изобрети человечество амальгаму, применяемую при изготовлении зеркал, мы бы никогда толком не узнали, как выглядим. Но все, кто извне, они смотрят на нас: люди, звери, звезды... И они нас видят. Они на нас реагируют. То есть в них мы тоже отражаемся.

– То есть, если зеркала нет, это еще не зна...

– Если ты больше себя не видишь, это не значит, что тебя нет, – подхватил папа.

– А если меня не видят другие? Ни люди, ни звери, ни звезды?

– С уверенностью можно утверждать лишь то, что у них нет *инструмента*, – прошептал он мне на ухо.

...Сказать по правде, я так и не поняла папину теорию. Наверное, он верил, что его «отражение» будет как-то существовать после его смерти... И общаться со мной. Но пока что папа никак не обнаружил себя, если не считать письма. Я по-прежнему одна и мне плохо. Это Лене я вкручиваю, что мне уже почти восемнадцать, – но чувствую я себя на самом деле маленькой девочкой, папиной дочкой, которой больше всего на свете хочется сейчас прийти к нему, ткнуться лбом ему в грудь и почувствовать на своих плечах спасательный круг его рук...

Может, *послание* – первая проба? Может, папа уже нашел

(или вот-вот найдет) тот осколок «зеркала», который воплотит его отражение? Сделает видимым для меня? Нашел же он способ надиктовать письмо!

Хотя из-за него только хуже. Страшно.

Или письмо подбросил кто-то другой? Но зачем?!

У меня голова шла кругом, я совсем запуталась.

Все, пора ехать в Москву. Для того я туда и собралась на самом деле: чтобы встретиться с тем, кто поможет мне все распутать. Во всяком случае, я очень на это надеюсь.

Я поднялась с земли, отряхнула подол платья, затем выбралась с нашей территории и уселась в свой шоколадный «Мини-Купер». Прежде чем тронуться в путь, я включила смартфон и завела в строку поиска фамилию «Кисанов», записанную на листке Олега.

Глава 2

Голубь и Лунатик

Услышав по домофону девичий голосок, Игорь нажал на кнопку, открывающую дверь подъезда, и лишь после этого заглянул в кабинет шефа.

– Кис, тут какая-то пацанка к тебе рвется. Я ее пустил, ничего?

– А если б и «чего»? Она ведь уже на лифте поднимается, – проворчал, снимая ноги со стола, шеф, он же частный детектив Алексей Кисанов. Он же Кис, но исключительно для своих.

– Ну да...

– Клиенты должны приходить по предварительной записи, – вредничал детектив.

Он не любил, когда его отрывали, – да и кто ж любит? – а занят он был важным делом: искал тур на выходные. Хотел развлечь жену, Александру, милым путешествием в милый город – в Прагу там, или в Вену, или еще куда... Что-то в последнее время Саша погрузилась в апатию. Видимо, сказывалась усталость – дети малые да работа, и все нон-стоп, – и Алексей решил, что следует хотя бы на пару дней оторвать ее от всего и всех, проветрить голову.

– Знаю. Но я не смог отказать, – пожал плечами Игорь. –

Вдруг у ребенка беда? Помнишь, как Михаська к тебе пришел, просил найти маму?¹

Алексей Кисанов сделал строгое лицо.

– Не смог отказать ты, а отдуваться мне? Фигушки. Принимай ее сам.

– Я?

– У нас тут кто-то другой сидит под столом?

– Ну ладно... Кис, извини, но вообще-то правило это дурацкое. То есть, конечно, предварительная запись помогает планировать время и всякое такое, но надо делать исключения. Вдруг у человека срочность?

– Со срочностью в полицию бегут. А к нам... Мне послышалось или звонят в дверь?

Игорь – симпатичный молодой человек, по должности ассистент, но по факту уже коллега детектива – отправился открывать. Кис встал на пороге своего кабинета таким образом, чтобы видеть происходящее, оставаясь почти незаметным в сумраке большого коридора.

– Здравствуйте, Алексей Андреевич! – услышал он с порога.

Алексеем Андреевичем был он, Кис. Что указывалось в разных справочниках, по которым его находили новые клиенты. Если они, конечно, не обращались к нему по рекомен-

¹ Подробно об этом читайте в романе Т. Гармаш-Рофф «Вторая путеводная звезда».

дации предыдущих клиентов.

– Я его помощник, – обаятельно улыбнулся Игорь.

Этот парень вообще чертовски обаятелен, что действует на всех женщин от девяти до девяноста лет безотказно.

– Да? А можно мне... Я хотела бы обратиться к детективу Кисанову.

Игорь почему-то не зажег свет в прихожей, и Кис не мог толком рассмотреть посетительницу. Но голос у нее и в самом деле был детским. Рост, кстати, тоже. На месте Игоря детектив и сам не решился бы ей попенять на неурочный визит.

– Алексей Андреевич, он, э-э-э... – Игорь обернулся: знал, что детектив наблюдает за сценой.

– Вы ко мне? – ступил Алексей в коридор. – Игорь, зажги свет, пожалуйста.

Свет вспыхнул, и Алексей увидел перед собой удивительное существо. Множество мелких косичек оплетали русую головку так, что она напоминала корзинку. Из-под корзинки на него доверчиво смотрели два огромных светло-голубых глаза – такие рисуют в мультиках на личике какой-нибудь сказочной Машеньки-Дашеньки. Дальше привлекал внимание большой серый мешок... ну, наверное, это мода такая: платье, как мешок? Будто сверху вырезали дырку для шеи и по бокам для рук, а на талии мешок стягивал тонкий черный пояс. И, несмотря на жару, на ногах сказочной девушки

были короткие черные сапоги. Правда, с вырезом для пальчиков – крохотных таких, беззащитных пальчиков, жалобно выглядывавших наружу из жесткого пекла замши. На ноготках мини-пальчиков сиял беспощадно-красный лак, такого же цвета помада на круглом кукольном ротике. Но взрослая, даже вызывающая, помада – ею никого не удивишь в наши дни. Макияж давно перестал быть женской привилегией, ныне красятся и дети, и мужчины... Зато угадывающийся под серым мешком бюстик категорически прибавлял девочке возраста, и детектив решил, что ей уж никак не меньше пятнадцати, а то и шестнадцати...

Восемнадцать. Ей оказалось восемнадцать. Ну почти, через два месяца исполнится. «Взрослая совсем», – горько вздохнула мультяшная Машенька.

Да ладно, какие восемнадцать? Персонажи мультиков не имеют права взрослеть!

– Вы не против, я взгляну на ваш паспорт?

– Не верите? Держите, вот, – она протянула паспорт Алексею. – Внешность бывает обманчива, вы не знали? – усмехнулась деточка.

На этот раз детектив посмотрел на нее повнимательнее. Глазки-то умные, между прочим. И проказливые.

Кис заглянул в паспорт. Ей действительно скоро восемнадцать, но самое удивительное, что девчушку действительно звали Машей – Марией Евгеньевной Донниковой.

– Приятно познакомиться, Мария.

– Маша. Зовите меня Машей, ладно?

– Проходите в кабинет, – пригласил детектив. – Надеюсь, медведи за вами не увязались.

– Что? А, нет, – смех колокольчиком, – у них в это время сиеста!

«Чувство юмора у деточки имеется, зачет», – подумал Кис.

– Итак, – спросил он, когда девчушка угнездилась в большом кожаном кресле для посетителей. – Чем могу быть вам полезен?

– А он вам – полезен?

Маша мотнула головкой-корзинкой в сторону Игоря, вошедшего в кабинет вслед за ними и усевшегося чуть в стороне от стола шефа.

– Вы что-то имеете против?

– Имею. Это в высшей степени конфиденциальный разговор.

Ишь ты, как деточка умеет выражаться, отметил Кис.

Игорю не нужно было повторять: у него уже приличный опыт, и он знал, что даже если потом он будет заниматься делом клиента, то на первой встрече одного клиента может переклинить в присутствии второго человека. В смысле, зажим психологический может случиться. Многим бывает трудно доверить свой секрет – но если уж решаются, то одному. *Одним человеком* был всегда шеф – в силу чего Игорю нередко

выпадала участь третьего лишнего.

Не проронив ни слова, он поднялся и вышел из кабинета. Маша проводила его взглядом, и в этот момент – Кис готов был поклясться! – детские голубые глазенки приобрели отблеск закаленной стали. Два острых лезвия, искусно замаскированных в золотистом бархате ненакрашенных ресниц.

– Месяц назад мой папа погиб в автокатастрофе, – заговорила девушка, едва закрылась за Игорем дверь. – Машина упала с обрыва и загорелась. Остались одни угольки, – добавила она сдержанно.

– Примите мои соболезнования. Представляю, как вам тяжело... – тепло произнес Алексей: пусть девчушка не желала показывать свои чувства, но смерть родного человека всегда страшна, а уж в столь юном возрасте...

– Не представляете, – отрезала Маша. – Вы не были ребенком, который потерял единственного родителя?

– Нет.

– Значит, и представить не можете.

Ишь ты. Крутая деточка. Не робеет в разговоре с незнакомым взрослым.

– Я был ребенком, который потерял сразу обоих родителей.

Маша вскинула внимательные глаза, будто проверяя, не лжет ли детектив. Затем немного смутилась и, опустив головку-корзинку, поизучала несколько мгновений свои колени, обтянутые серой мешковиной.

– В таком случае вам будет... – проговорила она и запнулась. – Я хотела сказать: «будет проще понять мои чувства», но зачем вам это? Вы сыщик, работаете за деньги, и понимание клиентов в гонорар не входит. Так что я лучше перейду к делу, – закончила деточка уже вполне светским тоном.

Безапелляционность – свидетельство умственной недостаточности, по аналогии с сердечной: вроде интеллект и работает, но как-то не особо хорошо. Впрочем, в юные годы данная черта вполне извинительна: умственная недостаточность имеет объяснение в виде отсутствия опыта размышлений.

Тем не менее Алексей счел правильным расставить акценты незамедлительно.

– Минуточку. Договоримся сразу: мне и только мне решать, что входит в круг моих профессиональных обязанностей, равно как и в круг интересов. И вы постараетесь больше не приписывать мне ваши собственные представления о вещах. Вы не сочинительница – а я не ваш персонаж. Я ясно выразился?

Было заметно, что Маша удивилась, – похоже, что не привыкла к подобному тону.

– Вполне ясно, – неожиданно покладисто произнесла она. – Папа всегда говорил, что я излишне самоуверенна, а это не признак ума.

Кис хотел было выразить солидарность с мнением Машиного папы, но воздержался: разговор о деле, практически не

начавшись, стал уходить в сторону.

– Вернемся к сути, – произнес он. – Что привело вас ко мне?

– Как я сказала, мой папа погиб... А вчера я получила от него письмо. Его принес голубь. В нашу часовню.

Чего-чего? Голубь? В часовню? Письмо от умершего человека? *С того света, что ли, письмо?!*

– Хм...

– Ценное замечание.

– О, вы меня не знаете. Когда начнете рассказывать обстоятельно, тогда пойдут замечания *бесценные!*

Беглая вежливая улыбка – мол, шутку оценила – и снова внимательный, оценивающий взгляд светлых глаз. Совсем не детский. Детектив сталкивался с такими людьми – всегда настороже, они обдумывают и взвешивают каждую реплику собеседника, – но никогда еще в подобном амплуа он не видел ребенка.

– Хорошо, давайте обстоятельно. У нас большой участок на Истре. И у нас есть своя часовня. Папа построил ее для Лены, моей мачехи. Она как бы религиозна.

– *Как бы?* Это паразит в речи или вы намеренно так выразились?

– В моей речи нет паразитов, я грамотна и хорошо образована, – отважно заявила деточка. – Просто я сомневаюсь, что вера у Лены настоящая... Но это отношения к делу не имеет.

– Вы сказали, что потеряли *единственного* родителя. Мама ваша...

– Умерла. Я еще маленькой была. Теперь у меня мачеха. Она не злая, как в сказке, не волнуйтесь, она просто придурочная... Так вот, в нашу часовню приезжает время от времени совершать службу священник, отец Нил, в миру Олег. Именно он нашел письмо от папы. Вернее, не нашел, а увидел голубя, сидевшего на спинке скамейки. Перед часовней разбит небольшой цветник и стоит скамейка. Ну, чтобы в хорошую погоду посидеть, отдохнуть, полюбоваться цветами... На шее у голубя висел на шнурке маленький квадратик из плотной бумаги. Отец Нил удивился, подошел поближе. Он думал, что голубь испугается и улетит, но тот сидел спокойно, будто ждал. И когда отец Нил протянул руку, чтобы снять шнурок, то голубь позволил ему это сделать. Квадратик же оказался свернутым в несколько раз письмом... Вот, прочитайте, – и Маша протянула детективу сложенный листок с дырочкой, через которую проходил шнурок.

Алексей привычно надел перчатки, развернул его, разглядел.

Лист был кривовато обрезан, но понятно, что формат А4 для принтера. Из знаков препинания в тексте были только запятые. Гласил он следующее:

«лунатик запишет и передаст, это важно, маша, это был не несчастный случай, меня убили, найди надежного че-

ловека, пусть расследует тайно, никому не говори, люблю, с тобой, папа».

Дырочки для шнура пробили несколько букв, но смысла текст не утратил. Если там вообще смысл был, конечно. Алексей изо всех сил постарался, чтобы на его лице не нарисовалась удивленно-скептическая улыбка.

– *Лунатик?*

– Я поняла так, что папа связался с каким-то лунатиком и надиктовал ему текст... Вы не верите, да? – проникательно посмотрела на детектива Маша.

Естественно, Кис не верил! Но ему было неловко разочаровывать девочку.

– Нет, почему... – неубедительно отозвался он. – Но мне кажется, что с этим лучше обратиться к... ммм... экстрасенсу или как там их называют...

– Зачем? – нахмурилась Маша.

– Ну, он сможет, наверное, вызвать душу вашего отца и поговорить с ним... – Алексею тут же стало стыдно за свои слова, потому что в них не было ни капли искренности. Но что делать, других не нашлось.

– Папа просит расследовать свою смерть, а не устроить спиритический сеанс!

– Да, но он смог бы... ммм... рассказать... видимо... на сеансе... что именно случилось...

– Вы не верите, что души могут существовать после смерти? Или вы в лунатика не верите?

– Насчет загробной жизни я, сказать по правде, не в курсе. *Оттуда* вроде бы никто не возвращался, и свидетельств нет. А вот лунатизм – это медицинский диагноз, то есть научный факт. Честно говоря, на месте вашего отца я бы тоже выбрал лунатика для общения. Он спит, но действует, а потом ничего не помнит. Очень удобно. Правда, остается открытым вопрос с голубем...

Маша прищурилась. Глазки снова сверкнули сталью.

– Насмехаетесь?

– Нет. Я растерян.

На этот раз Алексей сказал чистую правду.

– Не хотите заниматься моим делом?

Кис не хотел. Его аналитический ум отрицал всякую мистику, а лицемерить он не любил, прикидываться не желал. Но что-то в этой Маше было такое... Мать она потеряла ребенком, теперь отец погиб. Девочка хорохорится, старается быть взрослой, сильной. И даже стальной проблеск в ее глазах – это не от хорошей жизни, это попытка защитить детскую душу свою от боли, от зла... Ну, как-то так. Александра, любимая жена и по совместительству журналистка, сумела бы сформулировать намного-много-много лучше, чем он. Но как ни формулируй, а результат вот каков: Алексей девочку жалел. И отказаться не мог. При всей бредовости ее просьбы.

– Я хочу тебе помочь...

Он и не заметил, как перешел на «ты».

- Но... тут ведь есть «но», верно?
- Не совсем. Скорее продолжение.
- И какое?
- Если не встречать с вопросами, то узнаешь быстрее.
- Извините.
- От желания помочь до решения взяться...
- Всего один шаг?
- Маша!

Девушка шутливо закрыла себе рот двумя ладонями – мол, молчу-молчу.

– ...есть мостик. И называется он *информация*. Так что приступим. Для начала расскажи обо всех, кто в доме живет и кто регулярно приходит...

Они проговорили с полчаса. Алексей задавал уточняющие вопросы – хотел прикинуть, кто из них мог устроить представление с письмом «с того света». Это должен быть кто-то из своих: Автор Письма знает о часовне и о священнике. Если, конечно, последний сам все и не придумал. Ему было бы проще всех: голубя никто не видел, так что батюшка мог сам напечатать этот листок и продеть в него шнурок, а потом выдать байку а-ля «благая весть» с явлением голубя.

Маша, впрочем, ни на мгновение не поставила под сомнение правдивость слов священника, хотя отзывалась о нем с некоторой иронией. Однако ирония относилась, видимо, к чему-то другому, к каким-то их отношениям, тогда как в ис-

торию с голубем и письмом девушка поверила... Иначе б она не пришла к частному детективу.

Поскольку ей было пора отправляться на урок вождения, они условились продолжить беседу после. Она позвонит, как только освободится, а Кис пока поразмыслит над услышанным, чтобы принять окончательное решение. В принципе, он уже знал, что от дела не откажется, – но пока еще не знал: от какого именно? От расследования причин смерти Машиного отца? Именно с этим девушка пришла к нему, именно об этом просит. Но Алексею необходимо прежде всего разобраться с письмом. Найти того, кто девочку столь безжалостно разыгрывает...

Разыгрывает?

Или подставляет?

Что за «Тень отца Гамлета» явилась к девушке, чтобы обрушить на ее голову правду (якобы) об убийстве? И почему – кем бы ни был Автор Письма – он хочет, чтобы Маша организовала расследование одного убийства? Девочка, которой даже восемнадцати нет! Взвалить на нее подобный груз – это жестоко...

Поначалу, пока девушка отвечала на вопросы Алексея, у него крутилось в мозгу подозрение, что за письмом стоит сам отец, Евгений Дмитриевич Донников, который не погиб, а устроил представление с исчезновением. Технически такое организовать непросто, но возможно, примеры есть. И понятно, чтобы пойти на подобное, он должен был очень и

очень опасаться за свою жизнь.

Но чем больше говорил детектив с Машенькой, тем больше убеждался, что дружба отца и дочери была на редкость сильной. Не мог Евгений Дмитриевич так жестоко обойтись с Машей. Сначала уверить ее в своей гибели, а потом нанести еще один удар, сказав, что это было убийством...

Нет, ни один нормальный отец не поступил бы так.

Значит, кто-то другой хочет, чтобы обстоятельства автокатастрофы были расследованы заново. Кем бы он ни был, Автор Письма уверен, что Донников стал жертвой убийцы. При этом он, Автор Письма отчего-то прячется за спину девушки. Боится выйти на сцену сам.

Но возможно, что за всем этим кроется совсем иной мотив. К примеру, никакого убийства не было, Автор Письма лжет, но ему зачем-то надо, чтобы Маша подняла волну...

Или еще хуже: спектакль с письмом устроен с целью destabilизировать девушку. Не похоже, конечно, что это легкая задача, – она отлично владеет собой, контролирует не только себя, но и собеседника... Однако случается, что под видимостью «железных нервов» скрывается ранимая душа и нестабильная психика...

Зачем и кому такое могло понадобиться? Месть за что-то? Ненависть? Кто-то из ее друзей? Подруга-соперница или отвергнутый поклонник?

В общем, задачка ниче се так.

Кис рассказал о деле Игорю, надеясь, что по ходу изложения истории, как это нередко бывает, его осенит идея-ка-другая, – или хоть ассистент дельную мысль подаст. Но нет, дельные мысли явно решили обойти их обоих стороной. Игорь только руками развел и произнес: «Бред».

Кис был вынужден с ним согласиться.

Угнездившись в большом кожаном кресле перед письменным столом, ноги на стол – любимая «мыслительная» поза детектива, – Алексей принялся перебирать факты.

Итак, священник, голубь, письмо, надиктованное «душой отца» Маши некоему лунатику... Здесь все неправда – или только часть? Священник лгал насчет голубя? Весьма похоже. Иначе почему письмо не принесли к порогу или не прислали почтой? Зачем понадобился голубь с его религиозной коннотацией «благой вести»? Или все же не лгал? Если он сказал правду – значит, кто-то использовал его в своей игре.

Если он солгал – значит, сам в этой игре замешан. Но не признается. Так что говорить с ним рано.

Не знаешь, с чего и начать...

С голубей! – решил Кис.

Он нашел в Интернете координаты Клуба голубеводов. Позвонил, договорился о встрече и поехал на Мичуринский проспект, где клуб обитал.

Голубеводы улыбались его вопросам об устройстве голубиной почты снисходительно. Им казалось невероятным, что

человек не знает столь элементарные вещи: голубь вовсе не доставляет послание по адресу получателя – он же не почтальон! – он просто летит в свою голубятню. Люди научились использовать уникальную способность этих птиц безошибочно находить дорогу домой. Значит, чтобы передать письмо, прирученных голубей, прошедших курс специальных тренировок, завозили к отправителю, там к птице прикрепляли послание и выпускали. А адресат находился по, так сказать, месту жительства голубя, куда последний, оказавшись на свободе, немедленно направлялся...

Все это, конечно, *элементарно*, спору нет, господа голубеводы, – да только в свете данного факта все мгновенно стало еще сложнее, размышлял Алексей, выйдя из клуба. Ясно, что отец Нил сказал Маше неправду, потому что не мог к ним прилететь голубь с письмом! Поскольку у них нет голубятни. Иначе бы девушка о ней упомянула. Выходит, священник в сговоре с Автором Письма? Или все-таки сам его написал?

Надо с батюшкой встретиться. Припереть к стенке информацией от голубеводов и посмотреть, как он будет выкручиваться.

Придется ехать в имение Донниковых. Надо будет с Машенькой на этот счет переговорить, но потом. А сейчас нужно обдумать историю с Лунатиком. Или, скорее, очередную чушь.

Алексей знал, что лунатизм – он же сомнамбулизм – это заболевание (или врожденное отклонение?), при котором спящий человек способен встать, двигаться, совершать многие действия, в том числе и сложные. Причем в этот момент лунатику, видимо, что-то снится, и он действует в соответствии со сновидением. Помнится, был такой случай в судебной практике, вошедший в анналы психиатрии: лунатик во сне убил собственную мать кочергой. Ему снилось, что на него напала женщина с ножом, – тогда как в это время мать, хорошо зная болезнь своего сына, пыталась удержать его от прикосновения к горячей печи... Если допустить, что лунатику приснился текст письма Донникова и он одновременно ощутил потребность его набрать на клавиатуре и распечатать на принтере, – то вполне мог это сделать. Вопрос: с какой стати подобный сон приснился бы лунатику?

Про вселение в него души Машиного отца не будем даже начинать. Ненаучной фантастикой детектив не увлекался. Тогда остается только одно допущение, при котором Кис согласен данную гипотезу хоть как-то рассматривать (а не выбросить ее немедленно на помойку с пометкой «Вранье»): наш Лунатик подвергся сильному влиянию. Возможно даже гипнозу, с помощью которого его запрограммировали на такое действие.

Или, на худой конец, его подкупили...

Однако зачем Автору Письма так напрягаться? Искать Лунатика, гипнотизировать его (или подкупать) – когда ни-

кто, никто не сможет проверить правдивость его утверждения?! Ну, предположим, что некий сыщик, которого наймет Машенька (как просит ее Автор Письма), найдет Лунатика в ближнем окружении Донникова. Но лунатики не помнят свои сны! Они не в курсе, что делали, когда...

Стоп. Лунатики-то не в курсе, это точно. Но если наш живет в семье... То близкие могли заметить его странные действия... И засвидетельствуют: мол, да, наш Лунатик прошлой ночью что-то распечатал...

Допустим. Но каким же образом Лунатик сумел бы нацепить письмо на голубя? Да при этом отправить его на участок Донниковых?!

Да никаким.

Эй, боженька, за что ты ко мне так немилостив? Это ж надо, такую задачку подкинуть...

Ладно, хватит стенать. Нужно попытаться найти Лунатика. Как знать, может, Автор Письма приходил к нему и кто-то его видел? А там уж, в зависимости от результатов, будем (или нет) изучать тонкости взаимоотношений лунатиков с голубиной почтой. В конце концов, голубевод тоже может страдать сомнамбулизмом, почему нет...

Кис тут же, сидя в машине, обзвонил нескольких друзей-врачей. Проблемами лунатизма занимаются неврологи, но, как назло, таких специалистов среди контактов детектива не имелось. Поэтому он попросил друзей помочь: найти

неврологов, специализирующихся на проблемах сомнамбулизма и при этом практикующих в районах Новой Риги, или Волоколамки, или хотя бы на северо-западе Москвы.

Разумеется, Лунатик мог вообще не обращаться к врачам, и никто из них даже не подозревает о его существовании. А если и обратился, то вполне мог найти своего невролога даже на противоположном конце Москвы. Но с чего-то надо начинать, и Алексей забросил вопрос знакомым медикам, сузив район поиска. Дальше будет видно. Как говаривал мудрый Жванецкий, бум переживать неприятности по мере их поступления.

А «поступления» Кис не ждал вскорости. Медики – люди занятые, они то жизни спасают, то на семинарах важных сидят или конференциях... Посему он позвонил Игорю, ассистенту, велел найти по Интернету всех неврологов в районе Истры и расспросить их о пациентах, страдающих сомнамбулизмом. Доктора, к слову, могут сослаться на врачебную тайну... Но попробовать надо. Детектив очень надеялся, что искомую информацию Игорю все же удастся получить, причем довольно быстро. Если повезет, то к моменту возвращения Алексея в свой офис на Смоленке.

На Смоленской на самом деле находился не офис, а старая квартира, в которой Алексей Кисанов родился и жил всю жизнь. Но с тех пор как появились на свет их с Александрой двойняшки, они перебрались в милое местечко неда-

леко от ВДНХ, в зеленые дворы за киностудией им. Горького. По правде сказать, покупка этой квартирki едва не превратилась в трагедию: Алексея ограбили, отобрав деньги на нее; Александру похитили; а в результате Кис был вынужден убить человека... Но жену он спас, деньги вернул. И вспоминать эту историю не любил.

Теперь на Смоленке остался его рабочий кабинет, где он утром принимал Машу. Точнее, кабинетом ему служит одна комната – которая, собственно, им служила и раньше. Вторая, бывшая спальня, продолжает быть спальней Алексея в тех случаях (редких, по счастью), когда работа задерживает его допоздна. И третья была предоставлена Игорю, что являлось частью оплаты его трудов. У молодого человека наличествует богатый папа – удачливый ученый, сумевший поставить свои знания на службу бизнесу, – но Игорь желал жить отдельно и независимо.

К разочарованию детектива, Игорь, хоть и наяривал по телефону без передышки, ничего не добился к моменту возвращения шефа: ни у одного из неврологов, которых он успел обзвонить, не имелось пациента-лунатика. И вряд ли дело во врачебной тайне, так как никто на нее даже не подумал сослаться. Скорее всего, они действительно не сталкивались на практике с этим довольно редким отклонением.

Знакомые медики тоже молчали.

А время шло. Маша вот-вот позвонит. Но детектив до сих пор не знал, что ей сказать. Точнее, какое решение принять.

Потому что пока не понимал: искать ли автора жестокого розыгрыша, чтобы разоблачить его, или в самом деле попытаться расследовать гибель Машиного отца? Месяц спустя, когда уже ничего не осталось на месте трагедии, когда его останки похоронены, а обгоревший остов машины отправлен в утиль?

Ему оба варианта казались в равной степени бесперспективными и фантазмагоричными. Но Маша...

Возможно, он проецировал на нее свой отцовский страх... Даже беглая попытка представить, что дети могут остаться без его защиты, вызывала у него спазмы где-то в районе солнечного сплетения. С тех пор как двойняшки родились, Алексей стал аккуратней водить машину, больше следить за своей физической формой и питанием. Его тело, его здоровье и даже жизнь больше не принадлежали ему – все это отныне являлось капиталом Кириюши и Лизаньки.

А Маша вот осталась одна. Судя по ее рассказу, домашние – чудаки и чудачки, довольно забавные и, похоже, безвредные, но положиться ни на кого из них нельзя.

Нет, не бросит он девочку. Хотя бы попытается продвинуться в глубь этой странной истории, за пределы ее первой главы. А там...

Там будет видно.

– Беретесь? – с надеждой спросила девушка.

– Вы сейчас где, Машенька? – попытался уклониться от

прямого ответа Кис.

– Значит, не беретесь...

– Мне нужно больше информации. Давайте встретимся.

– А мне больше нравилось, когда вы обращались ко мне на «ТЫ».

– Хм. А я обращался?

– Вы записали нашу беседу на диктофон, можете проверить, – улыбнулась девушка.

– Ладно, верю на слово. Так ты где, Маша?

– В начале Ленинского.

– Движешься в сторону центра или в сторону окраин?

– Ни в какую. Стою.

– В пробке? Я могу подъехать, поговорим в каком-нибудь кафе...

– Нет, я во дворе стою. Я немножко стукнула машину...

Алексей напрягся. Что значит «немножко»? Обо что – или об кого – Маша ее стукнула? Там идут разборки с другим водителем? Или пострадал пешеход? Полиция приехала? Машина на ходу или... И где инструктор?

Кис забросал девушку вопросами.

Маша отвечала с той едва заметной снисходительной усмешкой, которая часто закрадывается в интонацию взрослых детей, отвечающих на вопросы волнующихся родителей. Нет, все живы, успокаивала детектива она. Полиция не приехала, потому что ее никто не вызывал; водитель тачки, которой она чуть-чуть помяла бампер, не стал делать из это-

го историю, поскольку Маша дала ему деньги на ремонт; инструктор свое отработал и ушел; жалко только, что у «Купера» фара разбилась. В тот момент, когда позвонил Алексей Андреевич, Маша как раз искала по Яндексy ближайший автосервис, потому что возвращаться домой с разбитой фарой ей не хочется...

– О, – сказал Кис, – не ищите. У меня есть на примете хорошая мастерская в комплекте с отличным мастером. Ждите на месте, я сейчас подъеду, и двинемся к нему.

И он набрал номер Романа.

...Алексей Кисанов, вопреки всем законам природы, в один и тот же год обзавелся новорожденными двойняшками, Кирюшей и Лизанькой, и взрослым девятнадцатилетним сыном Романом. Двойняшек ему подарила любимая женщина Александра, а сын... Он сам ему подарился. И, надо сказать, отнюдь не в праздничной упаковке. Наломал дров, нашкодил, круто потрепал им с Александрой нервы – ничего более умного, чтобы обставить свое появление в жизни отца, не подозревавшего о его существовании, Роман не придумал.

Но то, что в данный момент переживаешь как ужас, нередко потом, по прошествии времени, вспоминаешь с усмешкой. Так вышло и у них: после всех объяснений, откровений и исповедей, после того, как прорисовались белые пятна на картах их жизней, прописались пропущенные главы их биографий – они друг друга поняли, простили и начали новую

жизнь. В которой у Алексея имелся взрослый сын, а у Романа существовал отец.

Нормальный, любящий отец. А не то, что он принимал за него раньше... К тому же Роман обрел клевую мачеху Александру и двух симпатичных малявок, братика с сестричкой. Жизнь его стала налаживаться, и детские раны – затягиваться.

Еще в ту пору, когда Роман не знал правды об отце, – в ту пору, когда мама была жива и изводила себя алкоголем, когда денег не хватало даже на еду, – в ту пору Роман научился чинить машины. Он куда больше времени проводил в автослесарной мастерской, чем в школе, и вскоре стал настоящим специалистом. Свое дело он любил, слушать железные тела умел – и машины отвечали взаимностью, с легкостью доверяя свои секреты. Соответственно, любили Романа и хозяева автомобилей. У него не было отбоя от клиентов, к нему записывались и занимали очередь. Профессиональный авторитет Романа зашкаливал, и заработки, к слову, тоже. И хоть он и поступил недавно на психологический факультет одного московского вуза (на заочное отделение, разумеется) – работу бросать не собирался.

История его увлечения психологией достойна отдельного полотна. Ведь если кому скажешь: автослесарь подался на психфак – не поверят. Однако у Ромки интерес к психологии возник давно и не случайно. Застенчивый и диковатый, но

весьма красивый юноша, он привлекал к себе внимание дам (клиенток) с юных лет, правда, никогда не понимал тайные подтексты их слов и отвечать на них не умел – лишь смущался и заливался румянцем. Естественно, он стал задаваться вопросом, как расшифровать ему, недорослю, секреты женского поведения.

Сначала он взялся за чтение разделов по психологии в женских журналах. Позже перешел на серьезные учебники и труды корифеев. В результате Роман нашел эту науку хоть и не всегда убедительной, но занимательной. В ней ощущалось что-то от женщины: время от времени она впадала в фантазии (ласковый синоним к слову «завиралась»), да и с логикой не всегда дружила – но при этом была очаровательна.

Так и вышло, что Роман решил поучиться на психфаке. Не понравится – уйдет. В отличие от подавляющего большинства молодых людей у него ставка на диплом была минимальной. Любимую профессию и отличный заработок Роман уже имел. Последний, к слову, помог ему оплатить учебу на заочном отделении – а эти два фактора, «платность» и «заочность», обеспечили легкое поступление. Вскоре Роману предстояло сесть на студенческую скамью, а пока лето только заканчивалось, и он проводил большую часть времени в мастерской. Поскольку дело свое он любил, то оно для Ромки являлось одновременно и работой, и хобби; способом и деньги заработать, и время приятно провести. Так что он мог торчать в автосервисе круглосуточно. Вот почему Алек-

сей был уверен, что сын немедленно его выручит.

– Ромка? Нужна твоя помощь. Я сейчас приеду к тебе с юной девицей, а ты, прошу, замени ей срочно-пресрочно фару. У нее «Мини-Купер».

– Какой модели?

– А их много? – удивился Кис. – Не знаю. Мне казалось, что они все одинаковые, как леденцы в коробочке.

– Па, ну ты даешь. Мы же не храним у себя все возможные запчасти от всех возможных моделей! Некоторые надо заказывать, а это требует времени...

– Мы все равно приедем. Это моя новая клиентка, дело страшно запутанное, хотя обещает быть интересным. Главное, она живет за городом, на Истре, и мне туда следовало бы съездить, тамошний народ порасспрашивать. Но не могу же я ехать к ней домой без нее, сечешь? Так что нужно быстренько решить девушкины проблемы.

– Когда вас ждать?

– Заберу ее с Ленинского проспекта и прямо к тебе. А пока велю ей тебе позвонить, разберешься с ней сам насчет модели, добро?

Игорь, слышавший разговор шефа, немного удивился:

– Так ты берешь дело? Вроде не в твоём оно вкусе. Абра-кадабра какая-то.

– В принципе, я еще не решил... Хотя нет, решил. Мне девчушка понравилась, а к тому же...

– Да? Ты не пошутил?

– С чего бы? – удивился Кис.

– Она какая-то... ненастоящая, что ли. С этой внешностью куклы... Знаешь, как в японском театре – кабуки. Там актеры все время прикладывают к лицу различные маски, которые выражают разные эмоции. Но при этом маски остаются неподвижными. Вот такое у меня впечатление от этой Маши.

Алексей был не согласен. У Маши внешность вовсе не кукольная, а мультяшная – детская и наивная, совершенно на маску не похожая. Но да, эта внешность входила в полное противоречие с ее осторожным – и даже настороженным – взвешиванием своих и чужих слов. Отсюда, видимо, возникло у Игоря сравнение с театром кабуки. Однако вступать в спор с ассистентом он не хотел: в конце концов, какая разница, понравилась она Игорю или нет? Брать дело или не брать, решает он, Кис, а симпатия к клиентам не является необходимым условием для работы частного детектива. И для работы его помощника тоже нет.

– ...а к тому ж она богатая наследница, платит хорошо, – улыбнулся Алексей.

– Да ладно, Кис, признайся, у тебя просто любопытство разыгралось.

– Разыгралось, – кивнул Алексей. – Тут не просто абракадабра – тут кто-то очень постарался *наабракадабрить*. И я бы не прочь выяснить, кто и зачем. Понадобится съездить к

ним туда, на Истру, переговорить со священником и с прочими обитателями. Ты поедешь со мной. Но, думаю, нам придется провести там хотя бы пару дней – стало быть, остаться на ночлег в доме. Так что придется тебе с Машенькой подружиться. Девчушка норовистая, ты уж постарайся все свои таланты приложить.

– Это как? – озадачился Игорь.

– Блесни умом и остроумием. Она оценит, мне кажется.

– Что-то ты, Кис, усложняешь все. Скажи ей, что поедешь со своим ассистентом, и все дела!

– Судя по твоей кислой mine, так и придется поступить, – засмеялся детектив. – Надеюсь, Маша не заявит ноту протеста, хотя как знать... Дом ее, ей и решать, кого в гости приглашать.

– Да ладно, Кис, ты ее убедишь. Уж я-то тебя знаю!

– Хм. Ты мне просто так льстишь или с тайным умыслом?

– А лесть бывает без умысла?

– Тоже верно... Ишь, какой умный. Короче, можешь Кристину предупредить, что уедешь из города на пару дней.

Кристиной звали девушку Игоря. Прелестное рыжеволосое создание, которое они однажды вытащили из большой-пребольшой беды.

Неожиданно лицо молодого человека омрачилось.

Алексей бегло – из деликатности, но внимательно глянул на него еще раз. Нет, не показалось.

– Хочешь что-нибудь рассказать?

Игорь отвел глаза.

– Не сейчас.

– Ладно. Тогда поехали за Машенькой.

В машине ассистент молчал, а Алексей гадал: что же могло произойти у этих двоих, у Игоря с Кристиной, – одной из наиболее гармоничных пар, которые ему доводилось видеть на своем веку?

И вдруг он подумал, что следует задать парнишке вопрос. Вроде б невежливо лезть в чужие секреты, но, с другой стороны, вопрос может дать стимул к ответу. Иной раз очень трудно рассказать сокровенное... И тогда настойчивость собеседника способна помочь, открыть шлюзы молчания. Хотя, конечно, дело тонкое, настойчивость рискует показаться бесцеремонностью... Тут надо как-то аккуратно. Не переборщить.

– Говоришь, *не сейчас*? Ты не болтлив, – заговорил Кис, – и не любишь вешать на других свои переживания. Поэтому у тебя час откровений никогда не настанет сам по себе. Ни сейчас, ни потом. Просто сделай волевое усилие и начни.

– Знаешь, Кис... Я в очередной раз поражаюсь тебе.

Алексей не понял, комплимент это или подвох. Но счел за благо промолчать и предоставить Игорю продолжить.

И тот продолжил.

– Криска сказала, что у нее возникли комплексы... – Игорь повернулся к Алексею, подстерегая его реакцию, – из-

за меня. *Из-за того, что я ее спас.*

Чего-чего?! Это что за бред?

Ни один мускул не дрогнул на лице детектива, он ничем не выдал своих эмоций.

– Прости, не врубаюсь. Объясни-ка еще раз, почему у нее комплексы?

– Ну, она говорит, что... Что из-за чувства благодарности она не смеет отстаивать свое мнение... То есть она вынуждена всегда соглашаться со мной, даже тогда, когда не согласна. Она ощущает себя в долгу и оттого постоянно мне уступает. В результате Криска потеряла себя. Так она сказала...

Строго говоря, это сложное, многоступенчатое дело распутал он, Алексей Кисанов, – а Игоря, безостановочно рвавшегося в бой, он то и дело придерживал, поскольку в самом начале расследования парень уже был сильно избит, а во второй раз избиение могло превратиться в убийство... Когда же все закончилось – к счастью, благополучно! – и когда в тесной компании заинтересованных лиц детектив повествовал о деталях своего расследования, он всячески подчеркивал роль в нем Игоря. Алексей не считал, что обманывает Криску: пусть Игорь и не мог приложить свою руку к поимке преступников, но его любовь к Кристине, его абсолютная жажда ее отыскать и спасти вдохновляли всех, участвовавших в этом безумном деле.

Но сейчас было бы нелепо заявить: ваще-та тебя, Крис-

ка, спас детектив Кисанов, а Игорь только рвался, так что не комплексуй...

Смешно это было б и неуместно. И бесполезно – вот что самое главное. Бесполезно, потому что Алексей почти уверен: Кристина выдумала этот «комплекс», не желая говорить Игорю правду. А правда в том, что она хочет с ним расстаться. И не сумела придумать ничего более убедительного, чтобы смягчить удар...

Нет, Кис не считал себя знатоком женской психологии и допускал, что ошибается. К тому же Игорь, по его разумению, классный парень по всем параметрам, и любой девушке следовало бы беспокоиться лишь о том, чтоб его кто не увел. А Криска, она предлагает...

Собственно, она что предлагает-то, а? Между прочим, это очень хороший практический вопрос, который сразу принесет дельный ответ!

– И что предлагает Кристина?

– Она не сказала...

– Ну, раз не сказала, значит, ничего страшного, – разом повеселел Кис. – Она просто поделилась с тобой своей проблемой, да?

– Не знаю, – мрачно ответил Игорь. – Я не понимаю, что за комплекс такой и почему она... Я, честно говоря, воспринял ее слова как предлог для... – он умолк, не закончив фразу.

Надо же, Игорь, оказывается, точно так же рассудил, – подивился Алексей. Ему почему-то казалось, что лишь у него

столь пессимистический взгляд на женские уловки... Особенно после недавней истории с Милой.

– А как она вообще? В смысле, в ее поведении по отношению к тебе что-то изменилось?

– Да не то чтобы изменилось, но... Задумчивая она стала в последнее время. Словно мысль какую-то обдумывает.

– Знаешь что, парень, не морочь ты себе голову. Возьми да спроси Кристину прямо. Не то усохнешь от сомнений, – пошутил он.

И вдруг подумал, что Александра, любимая жена, тоже в последнее время как-то особенно задумчива... До сих пор Алексей не придавал этому значения: она журналистка, она все время что-то обдумывает – а сейчас вот напрягся.

– Спрошу, – кивнул Игорь. – Как говорит наш психолог Вера², проблемы в отношениях нужно вербализировать.

– Точно! – откликнулся Алексей.

Надо б и ему спросить у жены, в чем причина ее постоянной задумчивости.

Надо... ли? А вдруг... вдруг там такая причина... которую ему совсем не хочется знать? Вдруг скажет: я тебя разлюбила, Алеша, но не знаю, как это озвучить? А вдруг скажет: я ошиблась, Алеша, ты не тот человек, который мне нужен?

Какое страшное слово – «вдруг». Живешь себе спокойно и размеренно, как по ровному полю идешь, – но неожиданно

² Вера – героиня романа Т. Гармаш-Роффе «Шалости нечистой силы».

под тобой разверзается земля, и ты проваливаешься в глубокую яму. Проваливаешься, ломая себе кости, не зная, где у ямы дно и долетишь ли до него живым... Ему ли, детективу, про это «вдруг» не знать? Именно с ним обращаются к нему люди, потому что беда приходит всегда «вдруг»...

Мысли Алексея будто понесло с горки на санках – одна другую обгоняя, одна другой ужаснее. Саша ведь никогда не была в меня влюблена, скакала одна мысль. Да, я заботливый, надежный, и Саша это ценит – но это слишком гладко, слишком скучно!.. – билась в истерике другая. Женщины мечтают именно о таких мужьях, да только *увлекаются* другими, «плохими парнями», – «порок любезен», как заметил поэт еще двести лет назад! С такими жизнь веселее, как на головокружительном аттракционе: то вверх, то вниз, сердце ухает, кровь кипит, глаза горят... – подпрыгивала на кочках третья.

Стоп! Хватит. К Саше это не имеет отношения. Подобные страсти физиологичны, примитивный разгул гормонов, а Александра не примитивна! Она... она...

О-о-о, хватит, все, хорош, стоп.

Об этом нельзя думать, иначе сойдешь с ума.

Сейчас есть важные, чрезвычайно важные дела, о которых как раз надо думать.

Сейчас.

Надо.

А с Сашей Кис просто поговорит. Потом. Спросит. Она

обманывать не станет. Она...

О-о-о, ну я же велел: СТОП!

Что там у меня сейчас? А, вот: Маше нужно позвонить. Это срочно. Нужно выяснить, где она. А с Сашей он...

Неслышно чертыхнувшись, Алексей торопливо набрал номер девушки.

Он ее отыскал, перезваниваясь по мобильному, в одном из дворов по правой стороне в начале Ленинского проспекта. Представил Игоря официально, заявив, что ассистент ему понадобится, если, конечно, он, Алексей Андреевич Кисанов, возьмется за дело. Но в этом случае ей придется смириться с тем, что ассистент будет посвящен в подробности.

Маша посмотрела на Игоря долгим оценивающим взглядом, и Кис был готов поспорить, что взгляд этот она переняла от своего отца. Богатство лишает непосредственности и легкомыслия – оно приучает людей быть подозрительными и осторожными, изучать и фильтровать каждого нового знакомого.

– А у вас в договоре об оказании услуг есть пункт о неразглашении? – поинтересовалась девушка.

– Разумеется.

– Тогда ладно, – нежный голосок был сух, а в интонации читалось недосказанное: *хоть мне это и не нравится.*

Как бы то ни было, Игорь «фейсконтроль» прошел.

– Отлично. Теперь едем чинить фару. «Мини» поведет

Игорь, а ты забирайся ко мне в джип. По дороге все обсудим, это скрасит нам пробки.

– А ему можно доверить мой...

– Можно, – отрезал детектив. – И секреты можно доверить, и тачку. И даже жизнь, если что.

В дороге Алексей подступился к щекотливой теме со всей деликатностью. Не спрашиваю, мол, тебя о вере в загробное существование, это личное дело каждого, но у нас могут возникнуть некоторые разногласия...

– Что, рискуем подрасться?

– Сомневаюсь, – усмехнулся Кис, – с учетом разной весовой категории. Однако если я возьмусь за расследование, то буду исходить из предположения, что у появления данного письма есть причины объяснимые, земные. И первым делом я намерен обнаружить именно их. А уж потом решу, стоит ли продолжать. Если тебя это не устраивает...

– Знаете, почему я обратилась к вам? – перебила его Маша.

– Сейчас узнаю, похоже.

– Да. После папиного письма я не рискнула говорить ни с кем. Ни с его друзьями, ни с семьей. А в полицию, как вы понимаете, с письмом от голубя не пойдешь... К тому же папа велел найти «надежного человека» и при этом явно не полицию имел в виду... Я попросила Олега помочь – ему я могу довериться, он и так знает о письме, ведь он его нашел. И

он никому не разболтает, он умеет хранить тайны исповеди, у него это – как сказать? – профессиональное. В общем, он навел справки и сегодня назвал ваше имя. Я сразу забурилась в Интернет, чтобы самой почитать о вас. Удивительно, практикующих частным образом сыщиков оказалось немало, я мимоходом заглянула на разные сайты. Но ни у кого нет таких уважительных отзывов, как у вас. Один из ваших клиентов написал: «Это не просто детектив. Это Человек». С заглавной «Ч» написал.

Надо же. Кис никогда не читал отзывы о себе. Нужно будет полюбопытствовать.

– И я понимаю, что он хотел сказать, – продолжала Маша. – Вы ведь могли солгать, чтобы удержать клиента. Ради хорошего гонорара. Но вы этого не сделали. Да, Алексей Андреевич, я хочу, чтобы вы мне помогли. Я согласна иметь с вами дело, и ведите его так, как считаете нужным.

– Заметано. Но имей в виду, тебе тоже придется быть честной со мной.

– Обещаю не врать... Но вряд ли я смогу ответить на любой ваш вопрос. Папа занимал высокое положение в обществе, он был богат, и есть вещи, которые...

– Можешь не продолжать. Идет. Дай пять.

Маша явно удивилась этому молодежному жесту, исходящему от человека, годившегося ей в отцы, но ударила в большую ладонь детектива своей маленькой ладошкой с удовольствием.

Глава 3

Репертуар лесных птиц

У Романа они пробыли недолго: сын уже приготовил нужную фару и ловко заменил разбитую. Он был не слишком любезен с Машей – точнее, вежлив, но неулыбчив. А Алексей-то повез к нему девушку не без умысла: надеялся, что вдруг Маша растопит лед и выведет парня из эмоционального анабиоза, в который он погрузился после приключений в начале лета. Он даже стал избегать общения с девушками, по крайней мере с красивыми. Исключением стала лишь Настя, и то потому, что Ромка изначально квалифицировал ее как друга, решительно не замечая, что девушку угораздило в него влюбиться...

Денег у Маши Роман, конечно, не взял, как та ни пыталась сунуть ему несколько крупных купюр. «Я это делаю для отца, – заявил он, – с ним и разбирайтесь».

Кис заметил, как у Маши блеснули глаза: она тайно, но весьма заинтересованно рассматривала его сына. Но этот негодник на девушку даже не покосился и быстро ушел, сославшись на срочный заказ.

– Какие у вас планы? – спросил детектив Машу, когда Роман закончил. – У меня есть к вам еще вопросы, но если вы торопитесь вернуться...

– Не тороплюсь. Давайте поедим где-нибудь? Я проголодалась.

– Дома полно еды, – небрежно заметил Игорь.

– И Игорь отлично готовит, – добавил Алексей. – Если вы не настаиваете на ресторане, я бы предпочел пообедать у нас на Смоленке. Там и беседовать безопаснее, к тому же договор подпишем, у меня бланков с собой нет...

За столом детектив поведал Маше о своем посещении Клуба голубеводов, подробно пересказав их комментарии.

– Из этого следует, – выслушав, приподняла она светлые бровки, – что если на нашем участке никто не держит голубятню, то...

– То голубь не мог к вам прилететь.

– Получается, Олег меня обманул? – нахмурилась девушка. – Но зачем ему? Мог бы просто сказать, что письмо лежало на скамейке, к примеру.

– Возможно, там оно и лежало... Но Олегу вариант с голубем больше приглянулся. «Благая весть» и все такое. Он не обманул, а приукрасил.

– Что-то я слабо верю... – покачала головкой-корзинкой Маша. – Он знает, что на меня это не произвело бы впечатления. Я не хожу к нему на службы. И вообще в церковь не хожу.

– Голубь-почтальон исключает почтальона-человека, – подал голос Игорь.

– В смысле? – повернулась к нему Маша.

– Это удачная находка для Автора Письма. Подумайте сами: окажется послание на скамейке, сразу станут искать чужака, проникшего на участок, просматривать записи с камер – у вас ведь есть камеры, Маша, да? А голубя никто искать не станет. Да и не сможет: упорхнул, и след простыл.

– Очень хорошая мысль, Игорь, – одобрил Кис. – При условии, что Автор Письма в состоянии обеспечить приземление голубя в вашем саду. Но именно тут у нас неувязочка. По причине отсутствия голубятни.

– Вообще-то в нашей ограде есть лаз. Я сама его проделала, когда маленькой была. Ну, не сама, я мальчишек подбила, я дружила с деревенскими пацанами. Это было лет десять назад...

Десять лет назад эта миниатюрная девушка была, по всей видимости, совсем Дюймовочкой – но при этом дружила с пацанами. Причем дочка академика – с деревенскими. Любопытный характерец.

– Лаз легко найти?

– Теперь его практически не видно в разросшейся зелени, но если человек планомерно ищет, то найдет. И камер в том месте нет.

– Деревенские пацаны выросли за это время. Но вряд ли забыли, как попасть на ваш участок, – подал голос Игорь.

– Если кто-то нанял человека в деревне, чтобы проникнуть на территорию вашего дома, то зачем ему морочиться с

почтовым голубем? Почему бы просто не подкинуть письмо к порогу часовни или на скамейку? И снова вопрос упирается в вашего священника: правду ли он сказал...

Девчушка призадумалась на некоторое время. А потом озвучила именно то, что Кис хотел услышать:

– Вы должны сами все осмотреть. И поговорить с Олегом. Если сегодняшний вечер у вас свободен, то предлагаю поехать со мной. В доме найдется место для вас и для вашего помощника... – Маша лучезарно улыбнулась Игорю.

И очень по-светски, отметил детектив. Ему даже стало немного не по себе. С чего он, собственно, взял, что Маша *скрывает* свои чувства? Свою боль, свою печаль? Может, там и скрывать нечего? А детектив просто приписал ей те эмоции, которые человек обычно испытывает в подобной ситуации... Всего несколько часов назад он выговаривал Маше: *не приписывайте мне ваши представления о вещах – вы не сочинительница, а я не ваш персонаж*. Очень правильно сформулировал. Прямо мудро. А сам что делает? Ищет глубину там, где ее, возможно, вовсе нет?

Глупости. Сколько раз самому приходилось так улыбаться и сколько еще придется, чтобы оборвать ненужный разговор или скрыть свои мысли, или свое отношение к собеседнику, или... много чего. Спасительная светская улыбка, отличный инструмент в общении. Если ты им владеешь, этим инструментом, еще не значит, что ты пустышка. Просто в сочетании с детским Машиным личиком необычно, вот в чем дело.

– Только вам придется, – продолжала девушка, – вернее, мне придется представить вас как папиного друга. А Игоря, думаю, как вашего сына, вы не против? Скажу, что вы не смогли приехать на похороны, потому что... не знаю, за границей живете? Или наоборот, на Дальнем Востоке? А сейчас приехали, позвонили мне, и я вас пригласила остановиться на пару дней в нашем доме. Как-то так, идет? Ну, детали еще придумаем.

– А почему не сказать прямо, что мы детективы? Чего ты опасешься?

– Не опасаясь. Просто никто не знает о письме и тем более о его содержании. И папа писал, чтобы я никому не говорила. Поэтому я не могу сказать ни Наташе, ни Лене, кто вы такие на самом деле. Только Олегу. В смысле, батюшке.

– Это будет непросто. Мне ведь придется задавать вопросы твоим домашним. Статус папиного друга вряд ли позволит мне расспрашивать твоих...

– О голубятне? Не стоит и время терять. Они не знают, что находится на нашем участке, а уж в окрестностях тем более!

– Они могли что-то видеть, что-то слышать. И сами не подозревают, что это важно.

– Алексей Андреевич, вы познакомитесь с ними и сами поймете, до какой степени мои мачеха и тетя погружены в свои личные дела, а бабушка...

– Хорошо, договоримся так: мы с Игорем будем придерживаться «легенды». Но если что-то меня насторожит, при-

дется раскрывать карты. Однако не беспокойся, на их вопросы я отвечать не стану, сошлюсь на тайну клиента и следствия.

Маша кивнула, хоть и не слишком охотно.

– Кроме того, мне нужно будет поговорить с друзьями твоего папы, с коллегами. Он где работал?

– Как? – округлила глаза Маша. – Вы не знаете академика Донникова?! Никогда не слышали?!

...Академик, академик, акаде... А, кажется, детектив слышал. Это тот самый, который...

– Уж не он ли был директором Заповедника доровья?³

– Ну да! Я даже не стала уточнять, когда вам представилась. Мне казалось, что все знают нашу фамилию... – голос у Маши был немного растерянный.

Все. Кто они такие, эти все? Донникова знают коллеги и пациенты. Это вам не Алла Пугачева, которая действительно широко известна... и то лишь в России. Вот Майкла Джексона – этого точно знает вся планета. А Донников для большинства – только имя, которое изредка мелькает в прессе, причем в специфическом медицинском контексте. И то исключительно для тех, кого оный контекст интересует.

Этого Кис, разумеется, девчужке не сказал. Зачем ее устраивать. Пусть у нее легкая мания величия – не страшно, само пройдет со временем.

Детектив понимал, отчего эта мания возникла. Заповед-

³ Название придумано автором, все совпадения случайны.

ник здоровья, учрежденный Евгением Дмитриевичем Донниковым в самом начале девяностых, за короткое время завоевал авторитет в высших кругах. Туда обращались политики и звезды, олигархи и спортсмены. Модное заведение у этой категории общества было постоянно на слуху, вот Маше и пригрезилась мировая слава.

– Ну, видите, я вспомнил, – улыбнулся Алексей. И, к слову, весьма светски. – Давайте обсудим нашу «легенду» и движемся.

В результате было решено, что Алексей представится школьным товарищем Машиного отца. Он был, правда, младше Донникова, но ничего, сойдет. В конце концов, есть люди, которые выглядят значительно моложе своих лет.

Маша быстро нашла папин профиль в «Одноклассниках» – Донников завел его давно, на заре создания сайта, но уже много лет там не бывал, ни с кем не общался и, скорее всего, о нем забыл. Однако его страница там висела, номер школы был указан, и уйма народу ему писала (безответно), делясь школьными воспоминаниями, которые теперь детективу весьма сгодились.

Игорь, как и предложила Машенька, должен был сойти за сына Алексея Андреевича.

Запасной комплект одежды на случай срочного отъезда лежал у детектива в кабинете, но ему хотелось съездить до-

мой, поцеловать детей и Александру. И главное, еще раз при-
слушаться к ее молчанию, понять его.

Он условился с Машей и Игорем встретиться в восемь ве-
чера у станции Истра, откуда они уже все вместе направятся
к дому Донниковых.

– Вы можете поехать со мной, – вежливо предложила Ма-
ша Игорю.

– Или мне лучше на своей? – посмотрел на шефа Игорь.

– Необязательно. Обратно я тебя довезу на своем джипе,
так что вполне можешь пересесть в «Мини»... если там по-
местятся два человека, конечно, – съехидничал детектив.

– Не надо обижать моего «Купера»! Хоть он и компакт-
ный, в него прекрасно помещаются четыре черненьких чу-
мазеньких чертенка!..

– Что-о?

– Четыре человека, – моргнула Маша. – А ваш джип по-
хож на корыто на ножках. Уродец беспородный, вот так-то!

Кис расхохотался. Это «корыто» обошлось ему в круг-
ленькую сумму, зато, как и обещала реклама производителя,
оно оказалось настоящим вездеходом – ценное качество для
того, кто в силу профессии колесит по дорогам разной про-
ходимости, а то и вовсе непроходимым.

Впрочем, слишком высокие колеса и впрямь придавали
машине некоторую неуклюжесть форм.

Дома дети с визгом повисли на папе, а Александра...

Что было в ее взгляде? Настороженность? Отстраненность? Трудно определить, но во всех случаях не радость. Будто она и впрямь обдумывала какую-то мысль, которую пока не решалась произнести вслух.

Он поцеловал жену, как обычно, стараясь не выдать своих сомнений. Принял душ, выпил кофе, оделся в чистое, прихватил с собой еще смену белья и куртку на случай прохладного вечера. Прощаясь с Александрой, он физически ощутил: его уход вызвал у жены облегчение. Как будто она устала – как и он, к слову, – делать вид, что у них все в порядке.

Что же творится у них? Что же творится с ними?..

Одиноким двухэтажный дом с мезонином под остроко-нечной крышей показался Алексею одновременно нахаль-ным и наивным. Нахальным из-за того размаха, с которым был оттяпан здоровый кусок леса под окружавший дом участ-ок. В начале девяностых, когда старые законы сгинули в одночасье, а новые еще не родились, можно было хапнуть что угодно по устному распоряжению какого-нибудь началь-ника. Который, возможно, уже и не существует в таковом ка-честве и никогда не подтвердит то распоряжение, если воз-никнут проблемы. Надо будет сказать Маше, чтобы провери-ла наличие нужных *письменных* разрешений на строитель-ство в этом заповедном уголке...

А наивным дом воспринимался оттого, что выглядел на-рядным и доверчивым, как юная девица, – находясь меж тем

на отшибе у всякой цивилизации. В деревне, как и в городе, определенную безопасность гарантируют соседи: редкий вор или бандит отважится вламываться в чужое жилье на глазах у них, вездесущих. Но тут бдящего соседского ока не имелось – только лес позади да поле спереди, – отчего любой злоумышленник, что бы ни задумал, мог почти безнаказанно пробраться на участок, а оттуда в дом, где проживали в основном женщины. Конечно, там есть охранник и прочные ворота – но забор из зеленых прутьев, хоть и куда элегантнее кирпичного с битым стеклом поверху, слишком легко преодолим. Чему свидетельством лаз, который, по словам Маши, на протяжении десяти последних лет никто из домашних не только не заделал, но и не обнаружил. Поразительная беспечность академика... Или он тоже думал, что его знают *все-все* и добрые медицинские дела служат ему защитой от зла?

Внутри дом оказался светлым и просторным. Свет давали «французские окна» (то есть окна-двери), ведущие в сад, и большое круглое окно в потолке, а простор обеспечивала воздушность интерьера. Ничего тяжелого и дорогого – тут, скорее, царила атмосфера интеллигентной квартиры позднего СССР: в гостиной книжные стеллажи занимали всю стену от пола до потолка, светлая мебель проста и функциональна.

– Дина! – крикнула Маша. – Это наша горничная, – шепнула она детективу, – она у нас главная по чистоте и порядку.

И еще она у нас немножко мажордом... Дина!

Темноволосая женщина лет сорока пяти появилась на верхней лестничной площадке и с любопытством уставилась на вошедших.

– Здравствуйте... У нас гости, Мария Евгеньевна?

– Р-р-р, – смешно зарычала Маша, – сколько раз мне повторять, чтобы вы не называли меня по отчеству! Для вас я Маша.

– Хорошо.

– Позовите всех вниз, пожалуйста.

– Сию минуту, Мария Евгеньевна.

И горничная исчезла.

– Видели? И вот так каждый раз. Может, надо ее стукнуть? – посмотрела Маша на Алексея с Игорем и засмеялась. – А?

– Да лучше сразу убей, – хмыкнул Игорь.

– Но тогда она никогда не научится звать меня «Машей»! – хихикнула девушка.

– Зато больше не будет звать по отчеству! – в тон ей хихикнул юноша.

– Представь меня Константином, – шепнул детектив, которому было не до детских глупостей. – Я видел на «Одноклассниках», с твоим папой учился какой-то Костик...

Первой явилась Лена: бледное нервное личико, жидкие светлые волосы в беспорядке, крашеная их часть уже изряд-

но отросла, явив потемневшие корни. Если до замужества с академиком она была репетиторшей Маши, то, скорее всего, работала раньше учительницей – слабомочной такой училкой, которая не справляется с пятиклашками, орет на них в школе и плачет по вечерам дома. Лена поздоровалась с «другом» погибшего супруга без всякого интереса, буркнула Маше, что следовало ее, Лену, спросить, прежде чем везти в дом посторонних, – и ушла.

Алексей сам пережил смерть родителей, и близкие его друзья теряли родных, так что он кое-что знал о скорби по своему и чужому опыту. Знал, как безмерно дорог каждый разговор об ушедшем человеке, каждое воспоминание – они словно оживляют его ненадолго... Оттого хватаешься за любого, кто с ним дружил и его помнил, – и расспрашиваешь, расспрашиваешь и жадно впитываешь слова...

По интересу Лены к «другу» ее мужа нетрудно измерить меру ее скорби. Как там выразилась Маша? *«Она просто курица, которой пришло время нести яйца. Она искала не любовь, не мужчину – она искала курятник. И нашла, к несчастью, в нашем доме».* Резко, но, судя по всему, справедливо.

Вслед за Леной показалась Наташа, сестра Евгения Дмитриевича. Тоже весьма типичная дамочка, но жанр иной: этакая советская интеллигентка с левым уклоном а-ля «фига в кармане»: живые глаза, острый нос, костлява; в увенчанных множеством крупных серебряных колец пальцах сигарета. Такие часами спорили на кухне у друзей о новом рома-

не в толстом журнале или о премьере на Таганке, пили кофе, сваренный в турках, и грузинское вино, мало ели и много курили. В противоположность Лене Машина тетя оглядела гостей с интересом, который, однако, угас быстро: Наташа поняла, что мужчины не из ее «профсоюза». Иными словами, далекие от богемных культурных сфер люди.

Бабушка не спустилась: спит. Но Алексея она интересовала меньше всего: во-первых, она мать Донникова, а матери детей не убивают (за редким исключением социально и психиатрически тяжелых случаев). Во-вторых, Наташе, старшей сестре академика, не меньше шестидесяти – стало быть, бабушке где-то восемьдесят и выше, а в этом возрасте карьеру детоубийцы уж точно не начинают.

Охранника Маша представила последним. Плотный, коренастый, лысеющий мужик, явно бывший работник органов с цепким профессиональным взглядом. Мужчины пожали друг другу руки, не произнеся ни слова, и разошлись.

Завершив ритуал представления «папиного друга с сыном» домашним, они последовали за Машей в сад, где первым делом осмотрели лаз. Он и впрямь был незаметен в ветках буйно разросшихся кустов, да и протиснуться в него отнюдь не просто из-за тех же веток. Маша, маленькая и юркая, пробиралась ползком, а взрослый человек средней комплекции пролез бы с трудом, к тому же изрядно оцарапался... Но пролез бы.

Отец Нил, он же Олег, ждал их у небольшой часовенки, почти потерявшейся в лесистой части громадного участка Донниковых. Алексей намеревался изучить записи камер наблюдения (если таковые на доме имелись), но уже ясно: сюда их объективы заглянуть не в состоянии. Так что подтверждения – или опровержения – версии с голубем найти не удастся. Придется полагаться на слова священника.

Он оказался совсем молодым человеком, одетым в светлые джинсы и простую бежевую футболку. У него было открытое лицо веселого студента-прогульщика... Точнее, было бы, кабы не глаза. Темные, томные, с легкой азиатчиной в контуре, они будто принадлежали другой личности. Из-за этого казалось, что Олег только прикидывается, строя из себя веселого простака. Впрочем, Алексей повидал на своем веку подобные противоречивые лица и уже имел возможность убедиться, что далеко не всегда следует искать за двойственностью черт двойственность натуры.

Олег крошил хлеб и бросал птицам, которые шумной стайкой кружились и крутились на хлебной полянке. Поймав взгляд сыщика, он пояснил:

– Выбрасывать пищу – грех. Я попросил, чтобы с кухни носили хлебные остатки мне, для птиц.

Но Кис вовсе не задавался вопросом, зачем священник кормит птиц. Александра тоже выносила зимой в сквер остатки хлеба для птиц, да и не только она. Ничего в этом необычного нет. Сыщик задавался другим вопросом: приле-

тают ли сюда кормиться голуби, раз уж тут всегда еда. И если да, мог ли прилететь сюда один из них с письмом. Может, он давно повадился на эту поляну, а кто-то об этом прознал и использовал его привычку...

Хотя нет, слишком сложно, слишком заковыристо. Надо было тогда этого голубя отследить, как-то его узнать среди других – они же все на одно «лицо», все сизые, – затем его поймать, нацепить письмо... Без всяких гарантий, что птица полетит на участок Донниковых. Вот почтарь, будь тут его дом, обязательно бы прилетел. А обычный...

– Расскажите о голубе. Он прилетел кормиться хлебными крошками?

– Нет. Я его увидел, когда пришел в часовню. Он сидел вот тут, на спинке скамейки, смотрите, даже помет остался...

Маша, присевшая на означенную скамейку, резко вскочила, брезгливо оглянувшись на спинку. На ней и в самом деле оказался помет. Но от какой птицы? Вокруг деревья, и любые ворона, галка могли оставить эту белесую кляксу на досках. Так что ничего она не доказывает, подумал детектив. Однако озвучивать не стал: выйдет бесполезный поворот в диалоге, только времени трата.

Дальше? Дальше все просто: увидев на шее голубя шнурок с квадратиком бумаги, Олег машинально протянул руку и снял его. Лишь запоздало удивился, что птица позволила это сделать незнакомому человеку.

– Видите ли, – пустился детектив в повествование, – я об-

ратился в Клуб голубеводов, и вот что мне там рассказали...

Олег выслушал, чуть склонив голову к плечу.

– Интересно, я не представлял, как устроена голубиная почта... Действительно, голубятни у нас нет. Тем не менее голубь сюда прилетал, – доброжелательно и спокойно ответил он. – Если вы думаете, что я лгу, то напрасно. Мне по сану лгать не положено.

– Хм. Разве есть люди, которым лгать положено? Я не силен в религии, но мне казалось, что ложь считается дурным поступком для любого человека. Никому не предписывается.

– Разумеется. Но для служителя церкви... Неважно, мы ведь не об этом. Я рассказал вам, что видел. Это вступает в противоречие с той информацией, которую дали вам в клубе, понимаю. И не знаю, как противоречие объяснить. Вы сыщик – вы и ищите объяснения.

– Чем я и занимаюсь, – любезно улыбнулся Кис. – Что произошло после того, как вы сняли шнурок с конвертом с шеи птицы?

– Голубь практически сразу взлетел... Я бы даже сказал «взмыл». Красиво, я прямо засмотрелся.

– *Красиво?*

Алексей никогда не замечал никакой особой красоты в полете голубя, признаться.

– Может, потому, что он белый, с длинным хвостом – таким, как бы сказать, кружевным, что ли... До лебедя ему да-

леко, конечно, но все же изящная птица.

– Белый голубь с кружевным хвостом?.. Не обычный серый? – удивился Алексей. – Игорь, забрось-ка в Яндекс. Я, пожалуй, белых-то не видел никогда, а уж с кружевами... Олег, вы уверены, что это был голубь? Может, какая-то другая пти...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.